

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »

СПЕЦНАЗ

Максим ШАХОВ

КОМАНДА

ТАЙНА ОПУСТЕВШЕГО ПРИЧАЛА

Команда

Максим Шахов

Тайна опустевшего причала

«ЭКСМО»

2012

Шахов М. А.

Тайна опустевшего причала / М. А. Шахов — «Эксмо»,
2012 — (Команда)

ISBN 978-5-699-60333-6

На законсервированном атомном реакторе, находящемся рядом с эстонским морским портом, происходят странные вещи: по ночам там вспыхивает свет, методично приезжают грузовики, кто-то что-то грузит. Вдобавок вся территория обнесена рядами колючей проволоки, проникнуть на объект невозможно. Эстонский репортер Тойво Круус попытался разузнать, что творится в этой зоне, сделал несколько фотоснимков, после чего... бесследно исчез. Герман Талеев, член секретной Команды, получает от помощника президента России задание выяснить, чем занимался и куда исчез независимый журналист. Прибыв в Эстонию, Команда начинает расследование и вскоре выходит на след транснациональной криминальной корпорации, куда входят и уголовники, и служба безопасности Эстонии, и армия...

ISBN 978-5-699-60333-6

© Шахов М. А., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1	5
Эстония, город Таллин	5
Эстония, город Палдиски	12
Эстония, город Палдиски, территория Северного порта	15
Эстония, Таллин,	18
Глава 2	21
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Максим Шахов

Команда. Тайна опустевшего причала

Глава 1

Эстония, город Таллин За месяц до описываемых событий

– Привет, Тойво! Что-то не балуешь ты нас своим благосклонным вниманием.

– Хай, Финч! Некогда мне в редакциях расслаживаться. Я же репортер, а таких «волков» ноги кормят. Не то что вас – редакторов, корректоров, издателей... Вы на других местах мозоли наращиваете.

Сидящий за небольшим столом с раскрытым ноутбуком мужчина внушительных размеров скосил глаза на свой объемистый живот.

– Нет-нет, – весело уточнил высокий поджарый эстонец, которого называли Тойво, – я вовсе не это место имел в виду.

На секунду в глазах сидящего мелькнуло непонимание, а потом в сторону собеседника полетела какая-то пухлая растрепанная тетрадь, пущенная мощной рукой. Тойво легко увернулся:

– Купи себе, друг, баскетбольную корзину. Теряешь былую меткость.

Когда-то они оба играли в баскетбол за университетскую команду. Но с тех пор много воды утекло. Малоподвижные должности сначала корректора, потом издательского редактора и заместителя руководителя одного из отделов ежедневной таллинской газеты «Ээсти Пяэвалехт» явно не способствовали сохранению изящной стройности фигуры некогда долговязого Финча. Он с сожалением вздохнул:

– Стареем... Обрастаем... А ведь я стараюсь регулярно в спортзал захаживать! Ну, правда, уже не баскетбол в полную силу, а так... на тренажерчиках...

Тойво хмыкнул и передразнил:

– «На тренажерчиках»! «В поля» тебе надо, приятель! Не на отдых в фешенебельный отель с внутренним бассейном, а поработать с годик новостным репортером! Причем даже не здесь, в столице, а на несколько сельских газет. Вот тогда мир снова увидит стремительного, непредсказуемого в атаке Финча!

Толстяк задумчиво посмотрел в окно, почмокал вытянутыми в трубочку мясистыми губами и философски изрек:

– А я хочу этого?

И с глубоким сомнением покачал большой головой.

Тойво безнадежно махнул рукой и стремительно развернулся, чтобы выйти из кабинета, когда услышал:

– Небось опять только в бухгалтерию и забежал, да?

Он притормозил:

– Я ж тебе сбросил вчера весь материал, так что за мной долгов нет. – Потом встревоженно поинтересовался: – А что, деньги еще не перевели?

– Беги-беги, хапуга! – беззлобно проворчал Финч. – Все на месте. Только главному лучше на глаза не попадайся: запряжет куда-нибудь. У нас же вечный цейтнот.

– Угу, – пробормотал Тойво, вновь намереваясь продолжить свой путь.

– И куда ты только тратишь эти деньги?! Родители умерли, свою семью так и не завел. Все скачешь, козлик.

– Зависть – нехорошее чувство, – назидательно произнес репортер, но потом вполне по-дружески добавил: – Я ведь квартиру собираюсь прикупить, надоело по съемным углам мотаться.

– Это правильно. А то тебя в твоём «съёмном углу» застать невозможно! Вчера попробовал позвонить – никто не отвечал весь вечер. У очередной пассии загостился?

– А мобильник на что?

Финч оскорбленно выдохнул:

– Дружок, ты сначала избавься от нехорошей привычки отключать его во время секса!

Тойво подошел сбоку к своему другу, обнял его рукой за плечи и, низко наклонившись, что-то прошептал в самое ухо.

– О-о-о! Вот даже как?! Ну, если так сильно действует... А в виброрежим не пробовал переводить?

Репортер легонько шлепнул Финча ладонью по наметившейся на затылке лысине:

– Оставь в покое мои сексуальные пристрастия! Кстати, я-то тебе зачем понадобился?

– Ну-у-у... если отбросить в сторону мое сексуальное любопытство...

Тойво укоризненно взглянул на хозяина кабинета.

– Ладно, молчу. Тебя уже два дня разыскивает один человек. – Репортер насторожился. – Нет, не из наших. Хотя дело у него, так сказать, «по специальности».

– Боже! Да, кроме меня, здесь полно специалистов!

Финч покачал головой:

– Он желает разговаривать только с тобой.

– «Желает»? То есть еще продолжает желать? Ты его не отшил?

– Пытался... Бесполезно!

– А хоть тема-то какая?

– Молчит, понимаешь, как партизан!

– Ну, и поручил бы этого «говоруна» кому-нибудь из своих молодых подчиненных или выпроводил бы партизана за дверь!

Толстяк немного подумал, а потом уточнил:

– Это – русский «партизан»? Такого не выпроводишь без скандала. Хотя вел он себя очень прилично.

– Русский, говоришь? – Тойво уселся на хлипкий стульчик около стола.

Финч кивнул. Пока он делал не головокружительную, но вполне приличную карьеру, сидя безвылазно в главном офисе редакции «Ээсти Пяэвалехт», его друг Тойво, мотаясь без усталости по городам и весям, нелегким репортерским трудом зарабатывал себе репутацию сначала подающего надежды корреспондента, а потом зрелого журналиста, имя которого становилось все более известным среди коллег. Хотя как минимум половина из них не разделяла его взглядов и сформировавшихся убеждений.

Дело в том, что эстонец Тойво Круус не был националистом. Он искренне считал, что славяне вообще – а их насчитывалось в стране не менее трети от всего населения – и русские в частности такие же полноправные члены их небольшого государства, как и эстонцы. Поэтому в его публикациях всегда присутствовал дух национальной терпимости и толерантности. Он выступал за придание русскому языку статуса второго государственного, за запрет какой-либо дискриминации при приеме на работу, на выборах – вообще против любого ущемления в правах неэстонского населения.

Особенно громкий общественный резонанс получили его статьи против переноса памятника русским воинам-освободителям в Таллине. Он сам был участником горячих митингов той поры и приобрел множество искренних друзей. И столько же заклятых врагов. Число и тех

и других еще увеличилось после серии репортажей Крууса о ничем не оправданном увеличении американского присутствия в стране.

Материалы молодого журналиста с удовольствием перепечатывали некоторые крупные столичные журналы, как, например, «Таллин», в то же время сам он получал по почте записки с угрозами как «продавшийся оккупантам писака»! Тойво не примыкал открыто ни к одной из сторон. Он оставался по возможности честным, порядочным и свободным.

Так что неудивительно, что русский искал в редакции именно его.

– Послушай, он ведь и сегодня с утра пришел. – Финч посмотрел на часы. – Наверно, до сих пор в холле на диванчике сидит. Только...

Толстяк неуверенно помялся. Он старался не лезть «в политику», быть нейтральным, но такое очень плохо удавалось в атмосфере верноподданнических настроений ведущей столичной газеты. Приходилось мимикрировать. Но добрые товарищеские чувства к своему университетскому однокашнику Тойво он сохранил.

– ...Только... ты как-нибудь выведи его от нас, – Финч сделал характерный жест рукой, – незаметно. Поговорите где-нибудь в кафе. Здесь у тебя это вряд ли получится.

Круус невесело усмехнулся и похлопал друга по плечу:

– Ладно, господин заместитель руководителя отдела, ни демаршей, ни провокаций с моей стороны ты можешь не опасаться. Избавлю тебя от сомнительного гостя. Но сначала все равно забегу в кассу!

Быстро закончив свои несложные финансовые дела, Тойво действительно нашел мужчину в холле редакции. Тот скромно и незаметно сидел на диване в дальнем углу. Было ему на вид лет шестьдесят. Темно-синий кримпленовый костюм без единой складочки, ослепительной белизны нейлоновая рубашка и узкий, с маленьким узлом галстук в цвет костюма были очень модными в 70-х годах прошлого столетия, а сейчас убедительно свидетельствовали о немолодом возрасте, аккуратности, педантичности и... бедности их обладателя. Тойво был готов побиться об заклад, что мужчина – бывший военный.

Так и оказалось. О себе Юрий Петрович Сычев поведал очень коротко, несколькими рублеными фразами, и то по настоянию журналиста. Военный моряк, подводник (браво, Тойво!), с 1976 года служил в учебном центре города Палдиски под названием «Пентагон», где отрабатывались на тренажерах экипажи советских атомных подводных лодок. После развала СССР был уволен в запас, но остался проживать в этом маленьком эстонском городке, так как никакого другого жилья на бескрайних просторах бывшей огромной Родины просто не имел. С женой развелся, перебивался случайными заработками, пока не подвернулось более-менее постоянное место работы – охранником в ресторане, который разместился в здании бывшего Палдиского Дома офицеров...

Круус слушал собеседника вполуха. Он сам мог бы поведать не об одном десятке таких вот поломанных судеб. Сычев, по крайней мере, не опустился и не спился. Тойво рассеянно оглядывал интерьер маленького кафе в подвальчике, где они разместились за столиком в углу. Никаких тебе изысков: на свежепобеленных стенах висели две медвежьи шкуры, явно синтетические, полдюжины столиков из толстых темных досок без скатертей призваны были подчеркивать простоту трапезы в «Охотничьем приюте».

Журналист специально привел сюда гостя, проплутав полчаса по кривым и узким улочкам Старого города: кафе было совсем незаметным, не отличалось изысканной кухней и качественными напитками, поэтому здесь невозможно было встретить никого из сотрудников редакций и издательств, расположенных в центре города. А может, зря было тратить столько времени на уединение? Вон, кажется, рассказ уважаемого Юрия Петровича быстро соскользнул на проторенную колею «сенсационных» свидетельств из мира «непознанного и неопознанного».

– Говорите, голубоватое свечение? – переспросил Круус, медленно и лениво потягивая местное темное пиво из глиняной кружки.

Собеседник прервал рассказ и внимательно посмотрел на него:

– Именно свет. Голубоватый, как от люминесцентных ламп. А... понимаю! Только это не имеет никакого отношения к НЛО, шаровым молниям и таинственным пришельцам из альфы Центавра. Хотя... пришельцы, по-моему, определенно имеются.

Сычев отхлебнул пиво из кружки.

– Вы, конечно, знаете, что на базе Палдисского военно-морского учебного центра с 60-х годов работали два атомных реактора? Точнее, второй запустили уже в 80-х. Место называлось «3-я площадка». Я не занимался непосредственным обслуживанием этих реакторов, но по долгу службы постоянно посещал их, приводил туда для практической отработки лодочных специалистов. Так что сами объекты и всю окружающую территорию знаю как свои пять пальцев. В 1994 году Палдиски покинул последний российский военный корабль, а в 95-м ядерный объект окончательно передали Эстонии.

Поймав недоуменный взгляд журналиста, Юрий Петрович быстро уточнил:

– Конечно, не в рабочем состоянии! Урановые стержни были извлечены и вывезены в Россию, а сами реакторы заключены в специальные бетонные саркофаги. К тому времени для подобных операций уже накопился незаменимый опыт Чернобыля! С тех пор бывший ядерный объект перестал кого-либо интересовать. Ну разве что время от времени «зеленые» поднимали шум по поводу якобы загрязнения окружающей среды...

– А что, это беспочвенно?

Сычев хмыкнул:

– Что можно, уже загрязнили. Никаких новых выбросов с 90-х годов не наблюдалось. На «3-й площадке» установили сторожевой пост. Ха! Именно сторожевой: набрали несколько баб и посадили посменно в деревянную будочку. Да кому нужен этот бетонный гроб?!

– А что, Юрий Петрович, за прошедшие полтора десятка лет не могли окончательно... ну... убрать, что ли, всякие... э... остатки этих реакторов?

– Может, и могли бы, да ядерная физика не позволяет!

– ?!

– Окончательный демонтаж реакторов в том смысле, как его понимают дилетанты, – Сычев бросил взгляд на журналиста, – дело будущего. Он начнется никак не раньше 2040 года. К этому сроку исполнится одно из главных условий – произойдет десятикратный полураспад радиоактивных изотопов кобальта. Так что как раз к этому времени и надо построить так называемое «конечное хранилище», где отходы будут храниться вечно.

– И в чем тогда «фишка»?

Юрий Петрович щелкнул пальцами и на хорошем эстонском попросил бармена из-за стойки принести еще пару бокалов пива. Круус удивился:

– Нечасто встретишь русского, так хорошо владеющего нашим языком. А уж тем более из Палдиски! Там же русских – большинство.

– У меня много друзей-эстонцев. Кстати, они мне вас и порекомендовали, – объяснил моряк. – Да и работа обязывает. – Он подождал, пока отойдет от столика доставивший пиво бармен. – В чем «фишка», интересуетесь? Вот, пожалуй, мы и подошли к главному. У меня есть риторический вопрос. Скажите, стали бы вы начинать какие-либо работы, пусть даже подготовительные, за тридцать лет до точно обозначенного срока?

Несмотря на предупреждение о риторичности, журналист все-таки ответил:

– Нет. Хотя...

– Не надо «хотя»! Достаточно просто «нет». Никаких подобных работ официально не может быть начато!

Тон Сычева стал резким и безапелляционным.

«А ты, моряк – стойкий оловянный солдатик», – подумал Тойво, а вслух поинтересовался:

– Однако вы еще не привели никаких фактов.

– Да-да, простите, отвлекся. – Это Юрий Петрович произнес тона на два ниже. – Я люблю гулять после работы. Надышишься, знаете, за вечер всякого в ресторане, вот и тянет на воздух. И ночь для меня не помеха, с закрытыми глазами не заблужусь. Вот во время одной из недавних прогулок я и увидел свет на «3-й площадке». Именно свет, а не «таинственное свечение», – не преминул уточнить моряк, – обычный электрический свет.

– Сами же говорите, что обычный.

– Но проистекал он из совсем необычного места! Раньше лампочка горела только в будке у сторожих, а этот свет шел как будто из-под земли. Как раз оттуда, где располагался бетонный саркофаг реактора! Я решил присмотреться поближе, но неожиданно наткнулся на заграждение из колючей проволоки. Его точно не было здесь раньше. А дальше совсем интересно: из освещенного изнутри отверстия, как по вертикальному трапу, наверх выбрался вооруженный охранник. Не сторожиха, а именно военный! Я узнал форму Эстбата – элитной части эстонских сил обороны, принимавшей участие в операциях НАТО. Дело в том, что эта часть располагалась в «Пентагоне», наверно, года с 2002-го. На развалинах «оккупационных» сооружений обучали своих курсантов. Причем под присмотром инструкторов из НАТО.

Круус так и эдак прокрутил в голове странное наблюдение.

– Не вижу в этом ничего криминального. Возможно, из-за повышенной... э... опасности объекта решили поручить его охрану профессионалам...

– Ага, почти два десятка лет все было в порядке и всех устраивало, а тут «повышенная опасность». Не смешите меня!

Журналист лишь пожал плечами, а старый моряк разгорячился:

– Послушайте дальше! На другой день я решил во всем разобраться. Как бы не так! Мне не дали подойти и на сотню метров к объекту. Невесть откуда появился военный патруль из двух сержантов и приказал мне убираться подальше. Единственным их объяснением была «забота о сохранении моего драгоценного здоровья на территории со значительно повышенным уровнем радиации».

– Так, может...

– Нет, не может! – отрезал Сычев. – Я несколько ночей тайно наблюдал за объектом. Там определенно шла какая-то работа. Даже приезжал грузовой автомобиль и что-то увозил. А может, и привозил. Правда, кроме охранников и грузчиков, мне никого увидеть не удалось.

Оба собеседника замолчали. Теперь пиво заказал журналист. Обдумав явно заинтересовавшие его сведения, он решил окончательно уточнить главный вопрос.

– У вас, Юрий Петрович, я чувствую, имеются свои объяснения этим событиям. Вы не прошли, так сказать, мимо, не оставили их без внимания, но и не стали самостоятельно осуществлять какие-либо действия. Вы обратились ко мне. Тогда уж делитесь честно и своими догадками!

Сычев уважительно посмотрел на Тойво. А журналист-то не промах! Поначалу ведь чуть не засыпал, а почувствовал «жареное», тут же сделал стойку. Вон глазки-то как заискрились! Чует, нюхом чует сенсацию. Что ж, с таким можно дело иметь.

– Никаких догадок нет. Я точно ЗНАЮ, что там происходит!

Моряк с заговорщицким видом огляделся по сторонам, потом низко склонился над столом, вынуждая то же самое сделать и Крууса, и выдал:

– Они «реанимируют» ядерный реактор!

Тойво ошалело уставился на собеседника:

– Ре... анимируют?!

Сычев утвердительно кивнул.

– Зачем?!

Теперь взгляд Юрия Петровича стал победоносным и покровительским. Вот-вот еще потечески похлопает Тойво по плечу! Но он объяснил коротко и просто, не акцентируя внимание на своем превосходстве в области специальных знаний:

– Действующий реактор позволит получать радиоактивные элементы, необходимые для создания ядерного оружия.

Вот так! И не меньше.

По тому, как логично и последовательно продолжил свои выводы старый моряк, было понятно: он все продумал досконально.

– Главное, изначально безошибочно определить, кто за этим стоит. От этого будет зависеть вся тактика предстоящей борьбы. Если это государственный уровень, тут надо привлечь международные силы. Ну хотя бы начиная с России и Евросоюза. А вот если это полная «нелегалщина»... – задумался Сычев, – придется, наверно, в Эстонскую службу безопасности обращаться, в КаПо.

– Неслабый уровень в любом случае.

– Поэтому я к тебе и пришел!

Моряк даже не обратил внимания, что перешел на «ты». Впрочем, и журналист тоже:

– Железная у тебя логика! Значит, если ты прав, то предлагаешь мне организовать и направить этакий маленький «крестовый поход»?

– А ты что, – в тон ему ответил Юрий Петрович, – предлагаешь сделать это «русскому оккупанту»?! Меня же никто даже слушать не станет! Выдворят на фиг в два счета. А скорее посадят.

Да-а-а... Ветеран-подводник, безусловно, был прав. Круус только раздосадованно крикнул и покачал головой. Над столом повисла напряженная тишина. Потом заговорил журналист:

– Вы, Юрий Петрович, человек военный и наверняка предпочитаете прямой ответ. – Моряк кивнул. – Что ж... Ваш рассказ меня заинтересовал... – последовал еще один одобрителный кивок, – но ни в чем не убедил. Постойте возражать! Слишком мало фактов. Вы делаете определенные выводы, опираясь... как бы это выразиться... на свои технические знания и большой личный опыт работы на подобных объектах, а истина может лежать совсем в другой плоскости.

– Например?

– Ну... может, военные решили использовать свободный участок под какой-нибудь свой склад...

– Нашли бы что-то более подходящее, чем бывший действующий ядерный объект, на котором до сих пор полным-полно радиоактивных отходов!

– Так вот, может, и занимаются вывозом этих отходов!

Сычев посмотрел на журналиста, как на неразумного ребенка:

– Я не буду утомлять вас описанием целого комплекса крупномасштабных мероприятий, которые обязательно сопутствовали бы подобной акции. Нет! Это нереально.

– В конце концов, военные могут просто отрабатывать какие-то свои задачи или готовить объект к предстоящим учениям... Короче! – Чуть повысив голос, Круус прервал попытку Сычева вновь перебить его. – Теперь поверьте моему специальному опыту. Когда фактов недостаточно, я их стараюсь раздобыть. И это – единственный реальный и надежный путь. Мне потребуется определенное время, чтобы по своим каналам собрать максимум материала. И только потом можно будет организовать... э... «выезд на натуру». Вы меня понимаете?

– Да. Если говорить честно, это самый лучший ответ, на который я рассчитывал. Возможно, по своим каналам вам удастся получить какие-то новые сведения. Я буду ждать. Постараюсь теперь не выпускать наш объект из поля зрения...

– А вот этого не стоит делать! Если ваши подозрения обоснованны, то и повышенный интерес не останется без внимания. Ни к чему раньше времени никого настораживать.

Юрий Петрович неохотно согласился.

– Просто возвращайтесь домой и продолжайте свое размеренное пенсионное существование. Оставьте мне телефон, по которому я смогу с вами связаться.

– Да, конечно. Только... мобильники у нас в Палдиски сильно «капризничают», редко удается дозвониться в любую сторону. Так что лучше пользоваться стационаром.

Они еще минут пять посидели в кафе, допивая пиво и обмениваясь ничего не значащими фразами. Затем расплатились, вышли из подвальчика на узкий тротуар и разошлись в разные стороны: Юрий Петрович Сычев направился на железнодорожный вокзал, чтобы на электричке уехать в Палдиски, а Тойво Круус поспешил на свою съемную квартиру. Он действительно был заинтересован, ему не терпелось добраться до своего компьютера и погрузиться в бездонные пучины Всемирной паутины Интернета...

Как только двое посетителей покинули столик в «Охотничьем приюте», молчаливый бармен вытащил мобильный телефон и быстро проговорил несколько фраз.

Молодой человек в низко надвинутой на глаза бейсболке, до этого с неослабным вниманием разглядывавший с улицы через стекло витрину небольшого ювелирного магазина, прервал свое увлекательное занятие, лениво повернулся, оглядывая из-под козырька узкую улочку, а потом неторопливо направился в сторону железнодорожного вокзала. Он явно наслаждался отличным солнечным днем, но при этом ни на секунду не забывал сохранять расстояние метров 20–30 между собой и следовавшим впереди пожилым мужчиной в темно-синем старомодном костюме...

Эстония, город Палдиски

За десять дней до описываемых событий

Первые дни после встречи с Юрием Петровичем в таллинском кафе Круусу было не до телефонных переговоров. Он выискивал материал в Интернете, обзванивал друзей, знакомых, сослуживцев, встречался с людьми, проживавшими когда-то в Палдиски, писавшими о нем, вообще что-то слышавшими или имевшими отношение. И проверял, проверял, перепроверял...

Это была его работа, и он умел делать ее качественно. Через неделю журналист почувствовал, что переполнен знаниями об этом небольшом городке, как рыболовный невод в путину. Пришло время позвонить Сычеву. Даже удалось связаться по мобильнику! Правда, раза с десятого. Да и поговорили они недолго: пошли помехи, связь начала прерываться, а затем и вовсе пропала. Еще один звонок Тойво сделал уже на стационарный телефон. Собственно, теперь он лишь хотел договориться о точном времени своего приезда в Палдиски.

На всякий случай журналист решил приурочить это мероприятие к выходным дням, когда поток приезжающих на полуостров Пакри – а именно там расположился Палдиски – многократно увеличивается за счет экскурсантов, городских родственников и просто вырывающихся на природу жителей душного Таллина. Как большинство эстонцев, Круус решил воспользоваться ранней утренней электричкой. Сидя в мягком кресле прохладного вагона, можно и подремать, компенсируя часы вынужденного ночного бодрствования. А их накопилось вполне достаточно! Сычев пообещал встретить его прямо на вокзале.

И вот теперь, когда палдиский перрон покинули последние приехавшие, Тойво удивленно и даже растерянно огляделся: он был один, его никто не встречал. На всякий случай журналист еще заглянул в помещение небольшого одноэтажного вокзальчика, но и там Сычева не оказалось. Он позвонил на мобильный Юрия Петровича, никто не отвечал на звонок. Молчал и домашний телефон.

Круус подождал еще минут двадцать, потом еще... Приехала следующая электричка из Таллина. В ней народу было уже побольше, но через пару минут на платформе Тойво снова остался один. Где же старый моряк? Проспал? Вряд ли. Перепутал день, время или место встречи? Журналист с сомнением покачал головой. Конечно, возможно, но...

Тойво обругал себя за непредусмотрительность: он не знал домашнего адреса Сычева. Конечно, трудно заблудиться в небольшом городке среди дюжины улиц, но ведь журналисту был нужен конкретный человек. Придется разыскать местную мэрию... Черт, там ведь может никого не быть в выходные дни! Ладно, по дороге разберемся. И журналист, одолеваемый всякими предчувствиями, направился в сторону центра города.

Подходя к первым жилым строениям, он сообразил, что логичнее будет обратиться по месту работы Юрия Петровича. Точно, охрана ресторана. Только бы это заведение работало с утра! Круус глянул на часы. Да какое утро: время уже к полудню приближалось, наверняка «общепит» функционирует.

Бывший Дом офицеров оказалось найти несложно, даже без расспросов местного населения. Вот оно, мрачное монументальное четырехэтажное здание на чистой ухоженной площади. И вывеска: «Ресторан-Бар-Кафе». Эти-то уж адрес своего работника подскажут! Однако то, что узнал Круус, оказалось настолько неожиданным и невероятным...

Ужасную новость выложил журналисту первый же встреченный им человек, причем буквально в двух фразах. Молодой мужчина в черной униформе охранника с бейджиком на груди, выслушав, что господина Сычева разыскивает бывший его сослуживец, коротко сообщил, что

Юри – так на эстонский манер звучало имя моряка – вчера попал под электричку! Помощь не потребовалась: в местную санчасть был доставлен уже остывший труп.

Впрочем, эстонскую немногословность охранника с лихвой компенсировала появившаяся вскоре администраторша ресторана, породная русская дама лет пятидесяти. Поток ее речи был неостановим, она постоянно всплескивала пухлыми руками, восклицала «Невероятно!», «Ах!», «О-о-о!», «Какая жалость, такой человек!», хватала Тойво за рукава пиджака и заглядывала ему в глаза. Потребовалось не менее пятнадцати минут, чтобы выяснить все подробности трагедии.

Зачем Сычев во второй половине дня оказался на вокзале, было непонятно. Вряд ли он собирался куда-нибудь ехать. Во-первых, в это время был двухчасовой перерыв в движении электропоездов, а во-вторых, в 19 часов он должен был заступать на дежурство в ресторан. Билетная кассирша видела, как он, не торопясь, прошелся по абсолютно пустому залу, постоял около расписания на стене и вышел на платформу. Дальнейшее можно было только предполагать.

Вероятно, Юрий Петрович отправился в город и решил срезать часть пути. Дело в том, что Палдиски – конечная станция на этом участке. Электричка просто останавливается у перрона, а потом движется в обратную сторону. Так и тогда: электричка стояла у платформы, а метрах в десяти позади нее, поперек рельсов, располагался бетонный заградительный барьер. Сычев решил пересечь пути как раз на этом десятиметровом участке. Неожиданно электропоезд дал задний ход и...

Машинист сообщил, что перед скорой отправкой просто решил еще раз проверить работу недавно отремонтированной тормозной системы состава. Ни на путях, ни на перроне он не видел ни одного человека. К тому же, как положено по инструкции, дал предупредительный сигнал. Кассирша подтвердила, что слышала короткий гудок электрички. Других очевидцев не нашлось.

Вот так: все правы, а заслуженный подводник лежит изувеченный в морге медсанчасти. «Ах!», «О-о-о!», «Какая жалость!». Квартиру покойного опечатали, родственников в Палдиски у него не было. Но вопросами их поисков сейчас занимаются соответствующие органы! «Какой хороший человек»! Был...

На площади перед ДОФом журналист еще долго сидел на скамейке в тени густого клена, собираясь с мыслями и пытаясь проанализировать трагические события. Никак не верил он ни в совпадения, ни в старческую небрежность моряка. Сычев был трезв умом, а его физической форме мог позавидовать сам Тойво. Но и в «теорию заговора» верить пока не находилось достаточных оснований. Значит, их надо найти!

Что они все-таки существуют, у Крууса становилось все меньше сомнений. И после встречи с моряком в кафе, и после его собственных упорных поисков и расследований, а уж теперь... Только кто же здесь станет отвечать на его вопросы?! Хоть он и журналист, но без соответствующих санкций, направлений и поддержки из центра его просто пошлют... Стоп! Есть одно место, где он может попытаться что-нибудь разузнать. Точнее, высмотреть или даже отыскать. Это – «3-я площадка». Как раз то, за чем он сюда и приехал. «Побродить вокруг, оглядеться под видом туриста-экскурсанта. Думаю, Юрий Петрович вполне одобрил бы мои действия!»

Следующие несколько часов журналист посвятил осуществлению своего внезапно родившегося плана.

Когда уже в кромешной темноте Тойво Круус сел на последнюю электричку, отправлявшуюся в Таллин, у него имелось достаточно фактов для серьезных размышлений. Он увидел и новые усиленные ограждения вокруг площадки, и прохаживающегося вдоль них вооруженного часового, вовсе не похожего на «неповоротливую бабу-сторожиху». Дождав-

шись вечера, заметил узкие полоски света, вырывающиеся действительно как из-под земли. На самом же деле это был небольшой холм, имевший слишком правильные очертания, чтобы претендовать на природную естественность происхождения. Но главной находкой, о которой не упоминал Сычев, оказалось другое.

Обходя территорию площадки по периметру, Тойво обратил внимание на следы транспортных средств. Собственно, об автомобилях упоминал и Юрий Петрович, но Круус пошел дальше: он заинтересовался, куда ведут эти совсем свежие колеи. Возможно, на машинах привозят из воинской части новую смену охраны или специалистов-атомщиков из частично реставрированного центра «Пентагон». Однако следы вели совсем в другую сторону. И вряд ли оттуда могли привозить людей. Следы вели в морской порт.

В Палдиски было два порта: Южный и Северный. Первый входил в состав холдинга «Таллинский порт» и размещался на месте бывшей базы подводников «Подплав». В настоящий момент он динамично развивался прежде всего потому, что имел два существенных преимущества перед портом Таллина: не замерзал зимой и был глубоководен.

Северный, обладая теми же преимуществами, был частным. Он располагался на территории бывшей военно-морской базы катерников и его защищал со стороны моря надежный 375-метровый мол. Занимались там в основном обработкой грузовых контейнеров. А в последнее время усиленными темпами строили пассажирский терминал.

Свежая автомобильная колея однозначно указывала на наличие наземной связи между «3-й площадкой» и причалами Северного порта. Когда журналист по следу добрался до самого грузового терминала, уже стемнело. Скудное освещение причалов не позволяло рассмотреть какие-либо подробности с того места, где остановился Круус – под прикрытием невысоких сосен, расположившихся на краю лесного массива. Дальше следовали метров 100–150 совершенно открытого пространства, лишь кое-где пересекаемого цепочками невысоких песчаных дюн.

Чтобы не обнаруживать своего присутствия, Тойво не рискнул продвинуться вперед. Впрочем, и отсюда было видно, что сейчас на причалах Северного порта царил полное затишье. Что ж, он придет сюда более подготовленным: в другой, незаметной одежде, с инфракрасным биноклем, позволяющим видеть в темноте, и всякими другими «шпионскими прибабками». Держитесь, господа таинственные заговорщики!

Эстония, город Палдиски, территория Северного порта За три дня до описываемых событий

Минутная стрелка флуоресцирующих наручных часов завершила очередной круг и замерла ненадолго между «1» и «2». Охотничий азарт журналиста давно прошел. Вот уже третий час он лежал в довольно глубокой впадине между двумя песчаными барханами, поросшими жиденьким прибрежным ковылем, совсем близко к причалам Северного порта. Один плюс – лежать было удобно. Теплая маскировочная одежда надежно защищала Тойво от влажной вечерней прохлады. Не страшны были и опустившиеся сумерки: специальный бинокль позволял четко наблюдать за всем происходящим на причале.

Только вот там ровным счетом ничего не происходило! Если еще часа полтора назад несколько портовых рабочих копошились вокруг каких-то грузов, складированных большими кипами, перекладывая их с помощью верткого погрузчика с места на место, то теперь и они исчезли. Очевидно, закончилась их вечерняя докерная смена. Неужели все?

Зевнув, Круус снова глянул на часы. Еще десять минут прошло... Жаль, конечно, потерянного времени, но журналист успокаивал себя тем, что завтра он продолжит свою слежку: Тойво заранее предусмотрел подобное развитие событий. Ему не надо было возвращаться в Таллин. Всего в десяти километрах от Палдиски на маленьком лесном хуторе проживали его дальние родственники по материнской линии – то ли тетка с мужем, то ли дядька с женой. Оба были весьма преклонного возраста и уже много лет совершенно не покидали своего «родового гнезда».

Тойво очень смутно их помнил, потому что последний раз навещался сюда в десятилетнем возрасте еще со своими родителями! Раз в год к ним теперь приезжала его родная сестра, живущая в Таллине. От нее-то Круус и узнал, как сюда можно добраться. Он быстро отыскал небольшой жилой домик и несколько обветшалых хозяйственных построек в часе ходьбы от железнодорожной линии. Престарелые родственники с радостью встретили городского племянника и, конечно, были чрезвычайно рады щедрым дарам журналиста. Тойво переоделся у них в свою защитную одежду, плотно поужинал и оставил в отведенной ему комнате вещи. Сюда он мог вернуться в любое удобное время.

«Ничего, отдохнем, выспимся на природе, а к ночи снова отправимся «на работу»! – Почему-то Круус сразу предположил, что какие-либо таинственные события в порту Палдиски непременно происходят поздним вечером или ночью. – Ну, еще полчаса понаблюдаю – вдруг повезет! – и домой», – решил он.

И тут, словно отвечая его надеждам, с дальнего конца стационарного бетонного пирса донесся еле слышный глухой стук. Так швартующееся судно аккуратно соприкасается с причалом. Потом оттуда же долетели обрывки команд, а из расположенного совсем близко от Тойво дебаркадера выскочили несколько человек и направились на шум.

Именно на шум, потому что даже в свой инфракрасный бинокль журналист не смог разглядеть у причала никакого плавсредства. Он до предела напряг зрение, покрутил туда-сюда винт настройки бинокля – ничего! Но люди-то там чем-то занимались! Круус быстро принял решение: ползком он преодолел пару десятков метров, подбираясь поближе и смещаясь чуть вбок для лучшего обзора.

В это же время к основанию причала подъехал неброского цвета микроавтобус, дал два коротких предупредительных гудка и медленно двинулся по бетонному покрытию.

«Ну, вот и началось! Я хоть и не профессионал, но именно следы микроавтобуса были на «3-й площадке». Теперь нельзя потерять ни одного ценного кадра». Круус вытащил из сумки заранее приготовленный и снаряженный фотоаппарат. Это был «зеркальный» «Никон», которым часто пользуются папарацци.

Тут, как по заказу, облака, затянувшие чуть не полнеба, сместились вправо под несильными порывами морского бриза, и невысоко над горизонтом полностью открылся диск ночного светила. Луна была не слишком яркой, но зато «проложенная» ее светом по водной глади дорожка вела прямо к дальней оконечности портового пирса.

Теперь журналист, не напрягая зрения, достаточно четко разглядел на воде низко сидящее судно. Скорее всего, это был небольшой катер с хищно «зализанной» рубкой, на которой разместились множество самых разнообразных антенн и компактных локаторов. К месту, где пришвартовалось судно, и подъехал микроавтобус. Не теряя времени, портовые рабочие начали принимать аккуратно подаваемый с катера груз. Это были какие-то странные предметы шарообразной формы, около полуметра в диаметре. Каждый докер брал по одному «шару» и переносил его в кузов пикапа. Один, второй, третий...

Журналистский «Никон» работал как пулемет, фиксируя все подробности работ на причале, внешний вид странного катера, микроавтобус и по возможности участников ночной акции. Правда, людей в темных робах разглядеть было трудно, не говоря уже об их лицах. Круус решил воспользоваться сосредоточенностью грузчиков на своей работе и подобраться еще поближе. Но сначала...

...Прошедшие дни Тойво не потратил впустую. Он старательно раскапывал любые материалы, относящиеся к Палдиски вообще, к проблеме оставленных русскими реакторов, к бывшему учебному центру «Пентагон» и к событиям, связанным с реконструкцией местных портов и организацией их теперешней деятельности. Что любопытно – и Круус сразу отметил эту особенность, – меньше всего оказалось данных, касающихся нового Северного порта.

Немногочисленные обрывочные сведения, появлявшиеся в разнообразных источниках, почти сразу удалялись или засекречивались. Журналисту не удалось даже узнать имя его частного владельца! Каким-то чудом всплыла одна интересная фамилия – Дорофеев. Она оказалась знакома Круусу еще с тех времен, когда он опубликовал серию очерков о криминальном мире Эстонии. Вскользь там упоминался некий Сергей Дорофеев как близкий друг широко известного в Эстонии и в России криминального авторитета Александра Конюхова по кличке Конюх, который по-крупному занимался в прибалтийской стране наркобизнесом. Теперь Дорофеев – порядочный бизнесмен, предприниматель, владелец нескольких фирм, даже является президентом нарвской футбольной команды «Лоотус».

Так вот, в Интернете сохранился список самого первого совета директоров нового Северного Палдисского порта! Наверно, пропустили по рассеянности, потому что все подобные данные в последние годы были удалены. И среди ничего не говорящих журналисту фамилий оказался Дорофеев! Вот это было уже серьезно. Очень серьезно! В голове Крууса тут же выстроилась логическая цепочка, объясняющая некоторые таинственные события, о которых поведал ему Сычев. Однако делать какие-то поспешные выводы было не в характере Тойво. Факты, еще раз факты и снова факты! Потом можно будет и порассуждать. Зато уже сейчас следовало крепко задуматься и о собственной безопасности, и о надежной сохранности добытого материала.

Впрочем, учитывая определенную скандальность репортажей журналиста, его выраженную оппозиционную настроенность к политическому режиму в стране, подобные предосторожности были для него не в новинку. Он давно отучился держать сколь-нибудь ценные документы у себя дома или делиться планами своих новых проектов даже с друзьями.

Теперь же, ведя тайную слежку и подозревая причастность к событиям в Палдиски явного криминала, Тойво подстраховывался во всем...

...Он достал из внутреннего кармана куртки предусмотрительно завернутый в целлофан коммуникатор самой последней модели. Для такого «навороченного» аппарата осуществ-

ление сотовой связи являлось лишь одной из немногих и незначительных его функций. По своим возможностям такой коммуникатор оставлял далеко позади даже изрядно «продвинутые» компьютеры!

Круус вытащил из «Никона» карту памяти с только что сделанными фотоснимками и вставил ее в соответствующий разъем коммуникатора. Несколько легких прикосновений к сенсорному экрану – и по заранее установленному каналу связи с Интернетом фотки отправились прямо на адрес электронной почты племянницы журналиста. Еще двумя-тремя прикосновениями пальцев Тойво стер всякие следы пользования почтой. Затем, не вынимая карты памяти, журналист несколькими манипуляциями отправил этот же материал эсэмэской еще на один, только ему известный, номер мобильного телефона. Пусть теперь его даже задерживают и отбирают фотоаппарат!

Круус вернул карту памяти в «Никон» и ползком добрался до самого причала, прикрываясь штабелями грузов и канатными бухтами. Он не хотел далеко отходить от корня пирса: вот-вот микроавтобус отправится прочь, и журналист решил проследить и заснять его передвижения. Действительно, погрузка была закончена. Рабочие курили, усевшись на кнехты, а невысокий коренастый мужчина, очевидно, их бригадир, о чем-то переговаривался с шофером.

Журналист сделал несколько снимков, потом спрятал фотокамеру, выпрямился и начал пробираться вдоль штабелей по направлению к дороге, ведущей в город. Он старался по мере возможности держаться укромных мест и неосвещенных пространств. К тому времени, когда Круус услышал звук шагов, он уже был почти в безопасности – у самого конца пирса, где тот соединяется с берегом.

Высокий парень в черном комбинезоне беззвучно настигал его, двигаясь параллельно с другой стороны грузовых штабелей. Он держался спокойно и уверенно, а когда увидел, как напрягся преследуемый, тоже замер на секунду. Тойво, встревоженный непонятными звуками, резко обернулся и, заметив темный силуэт в лунном свете, ринулся во весь опор.

Парень быстро огляделся вокруг. Слева от него располагалась мусорная свалка, заваленная пищевыми отходами, а вправо уходила дорога в город. Журналист пробежал влево и скрылся за высокой канатной бухтой, последней на причале. Парень вынул из кармана удавку и бросился следом. Прежде чем его жертва обернулась, он набросил петлю на шею Крууса, резко дернул ее и крепко затянул.

Тойво был не слабого десятка, поэтому пытался сопротивляться почти целую минуту, размахивая по сторонам руками и содрогаясь всем телом. Однако все его усилия оказались бесполезными. В конце концов, его плечи обмякли, а голова бессильно поникла. Убийца снял с шеи мертвеца удавку, тщательно обыскал его одежду и вынул из сумки фотоаппарат. Потом притащил с мусорной свалки большой и тяжелый металлический обод от колеса портового погрузчика и привязал его обрывком каната к ногам своей жертвы. После этого парень с трудом доволоч получившуюся «связку» до края причала, перевалил через невысокий поребрик и сбросил в море...

Эстония, Таллин, наутро следующего дня...

– Идиот! Тупица!! Чурбан безмозглый!!! – Средних лет мужчина в дорогом итальянском костюме с отливом и ручной выделки бледно-розовой рубашке с распахнутым воротом был в бешенстве. – Кто тебе позволил убивать этого человека?!

Стоящий от него в двух шагах высокий крепкий парень низко опустил голову и весь как-то сжался под потоком оскорблений и брани. Он не распрямился даже тогда, когда мужчина обеими руками ухватил его за короткие лацканы легкой кожаной куртки и начал трясти изо всех сил:

– Ты у меня сам пойдешь рыб кормить! Или нет, я отправлю тебя на объект, подсобным рабочим, шестеркой!! Будешь голым на складе продукцию сортировать. И заживо сгниешь там за месяц в страшных мучениях!

– За что, Хозяин?! – Похоже, такая угроза всерьез напугала парня. – Ведь мне приказали охранять причал, вот я и... ну... ликвидировал... это... опасно...

Кулак мужчины с силой врезался в нос парня, заставив того мгновенно замолчать. Потом последовал еще один акцентированный удар в то же место, потом еще... Левой рукой мужчина удерживал свою жертву за одежду, а правой бил, бил, бил...

Кровь из сломанного носа не просто стекала на кожаную куртку, она разлеталась по всей изысканно обставленной комнате рубиновыми каплями, забрызгала шикарный костюм истязателя и даже попала на высоченный потолок, оставив на нем цепочку ярких следов. Парень не сопротивлялся и не уворачивался. Он лишь натужно мычал и утробно всхлипывал под хорошо отработанными, профессиональными ударами.

Возможно, что такая покорность и остудила звериную ярость Хозяина. Избиение прекратилось. Мужчина выпустил жертву, достал из брючного кармана белоснежный платок и начал сосредоточенно стирать обильную кровь со своего правого кулака. Потом швырнул испачканный платок в изуродованное лицо парня:

– Утрись, мразь!

Он уже почти успокоился и, отойдя к богато инкрустированному низкому столику, налил в широкий хрустальный стакан виски из причудливой бутылки. Затем сел в малиновое кожаное кресло, сделал два больших глотка и потянулся к лежащим на столе предметам. Это были фотокамера «Никон», плоский коммуникатор, инфракрасный военный бинокль с тепловизором, швейцарский перочинный нож и обычная «карманная» мелочовка. Мужчина обернулся к замершему на прежнем месте парню. Теперь голос его был абсолютно спокоен и негромок:

– И тебя, тупая образина, никак не заинтересовал такой ассортимент? – Парень лишь неуверенно повел поникшими плечами. – Ответь!

– Я... это... оружие искал! – Голос был глух и невнятен.

На скулах сидящего в кресле мужчины тут же вздулись желваки, но про себя он подумал: «Дурак. Просто хронический идиот!», и полыхнувшая было злоба куда-то улетучилась.

– Нашел?

Парень засопел.

– А фамилию спросить не догадался?

Теперь парень недоуменно и настороженно уставился на Хозяина: шутит?

– Так... это... он же говорить не мог...

Мужчина отвлеченно перебирал пальцами грудку вещей на столике. Он уже просмотрел все фотоснимки и поковырялся в коммуникаторе. Сейчас он просто рассуждал:

– Буквально на днях мы засекаем какого-то местного отставного вояку, сующего свой нос куда не следует. Тоже ведь не насторожились сразу, не придали значения. А через день этот

полковник уже целенаправленно проникает в запретную зону! Да так, что чуть не оказывается на самом объекте! Тоже поспешили, ликвидировали...

Высокий парень хорошо помнил, что приказ о ликвидации отдал сам Хозяин, но предпочел промолчать.

— ...Хотя должен отметить, что операция прошла очень успешно. Ни у кого не возникло сомнений в несчастном случае. И вдруг прямо по его стопам идет другой искатель приключений. Похоже, не местный и очень хорошо подготовившийся. Совпадение? — Мужчина покачал головой. — Ни за что! Почему и зачем он здесь оказался, как вообще к нему попала информация? Наконец, просто, кто он?!

Неожиданно ему в голову пришла мысль, показавшаяся очень забавной.

— Значит, так, возвращайся в порт и вылавливай своего утопленника! Говоришь, хороший груз к ногам прикрутил? Тогда тело не унесло: глубина хоть и приличная, но у пирса течение слабое. — Мужчина хмыкнул. — Насмотрелись, понимаешь, всяких «Крестных отцов», скоро в тазик с цементом начнете ноги замуровывать. Проще надо быть, рациональней.

Парень сосредоточенно кивал, а когда Хозяин замолчал, поинтересовался:

— А это... что с ним потом делать?

— В задницу оттрахать, кретин! — рявкнул мужчина и тут же подумал, что его чересчур рьяный и до предела напуганный подчиненный в точности выполнит распоряжение. Он даже усмехнулся, на миг представив себе впечатляющую картину. — Морду лица ему почистишь и сфоткаешь, ясно? Со всех сторон, несколько раз. И перешлешь мне по эсэмэс. Ну, пусть кто-то грамотный перешлет...

Неожиданно Хозяин замолчал, пристально глядя на фотокамеру и коммуникатор на столе. Мелькнувшая в мозгу догадка начала быстро оформляться в логическую цепочку. Ему надо было подумать.

— Убирайся вон! И чтоб теперь ничего не напутал. Пшел!

Парень мгновенно испарился из комнаты.

Мужчина встал с кресла и сосредоточенно прошелся до двери и обратно.

«Так-так, а ведь утопленник мог успеть... Определенно мог! То, что я сам ничего не обнаружил в его планшете, еще ни о чем не говорит. Здесь нужен хороший специалист...»

Он не успел додумать, как раздалась бравурная мелодия футбольного марша: этот сигнал был вызовом его мобильного. Мужчина глянул на дисплей и поспешно поднес телефон к уху:

— Слушаю, Босс!

Он действительно превратился в слух и лишь через пару минут, оправдываясь, проговорил:

— Погорячились мои ребята...

«Как Босс мог узнать о ночном происшествии на причале?! Точно, «стучит» кто-то. Впрочем, у него везде имеются свои люди! Не только в правительстве, армии, безопасности и внешней разведке, но и среди криминала».

— ...Но ведь чуть не ушел! Да-да, явно профи. Вычислим, Босс! Уже работаем. Позвольте задействовать нашего человека в КаПо, это значительно ускорит дело. К тому же ему легче запросить данные у сотового оператора... Да-да, я думаю, что неизвестный связывался с кем-то. — Мужчина похвалил себя за очень своевременно пришедшую догадку. — Прямо сейчас передам фотокамеру и коммуникатор!

Разговор был закончен. Отлично! Теперь у него не было никаких сомнений, что дело разрешится в самые короткие сроки. И непременно в их пользу. Более влиятельного человека, чем Босс, не существовало в стране. И даже за ее пределами!

Мужчина посмотрел на швейцарский наручный хронометр и присвистнул: до начала футбольного матча его «Лоотуса» оставалось меньше двух часов. А до Нарвы две с половиной

сотни километров. Мужчина досадливо поморщился: он терпеть не мог быстрой езды. И самолетов с вертолетами тоже! Но разве мог президент клуба опоздать на ответственный матч своих подопечных?!

Тяжко вздохнув, Хозяин нашел свой мобильник и стал звонить в дирекцию одного частного авиаклуба под Таллином.

Глава 2

Герман Талеев был, мягко говоря, в полном недоумении: его приглашали на пресс-конференцию в Кремль. В общем-то, заурядное событие, учитывая его высокий статус в журналистских кругах, но...

Вот этих-то «но» оказывалось так много... Слишком много!

Ну, во-первых, как журналист Гера уже достаточно давно – больше года – отошел от активной репортерской деятельности. Он изредка писал небольшие аналитические статьи на глобальные темы с явным теоретическим и философским уклоном. Их с удовольствием печатали крупные солидные журналы. Его никто не торопил: все знали, что известный журналист Талеев скрылся от мира, чтобы в тишине и уединении воплотить свое давнее желание – написать книгу. То ли об истории журналистики в целом, то ли о своей личной в ней роли, а может, о становлении новой российской государственности или вообще на какую-то отвлеченную тему. Пишут же некоторые целые монографии о лошадях после многих лет, проведенных в беспощадных «репортерских войнах». Какая разница, отошел и отошел!

Во-вторых, приглашение было сделано самым официальным из возможных способов: специальный курьер из администрации Президента явился на квартиру Талеева и вручил ему лично фирменный бланк с гербом, флагом и золотым тиснением. Тогда-то, туда-то, во столько-то... Разузнавать какие-либо подробности у этого «царского герольда» было равнозначно попытке спросить у сфинкса о правильной дороге.

В-третьих, – это становилось ясно уже из текста Приглашения – проводить пресс-конференцию будет лично помощник Президента. От такой подробности появлялось не просто недоумение, а возникали настороженность, тревога и... непонимание. Последнее Гера не любил больше всего. Настолько, что, пренебрегая самим же установленными правилами, позвонил по телефону нескольким своим коллегам. Оказалось, что часть из них получила такие же официальные уведомления. Но они были скорее польщены и обрадованны, а скудной первичной информации им вполне хватало. Еще бы: сам помощник Президента, лично, в числе избранных... Конечно-конечно, вот только для Талеева этот человек был не просто – и не столько! – помощником Президента, сколько Куратором.

Гера вздохнул: никак не складывались его отношения с этим человеком. Вместе с должностью помощника он, по воле Президента, унаследовал от своего предшественника совершенно неофициальную и не известную практически никому должность Куратора КОМАНДЫ. Впрочем, даже о существовании такого подразделения во всей стране доподлинно было известно лишь двоим – Президенту и его помощнику.

Первый в дела КОМАНДЫ никак не вмешивался. Были, правда, за несколько лет два случая, но оба они инициировались самой КОМАНДОЙ исключительно в целях безопасности страны и лично Президента. В функции Куратора входили непосредственные контакты с фактическим руководителем КОМАНДЫ, постановка задачи, для решения которой и понадобилось это сверхсекретное спецподразделение, причем в самом общем виде, и дальнейшее оказание всемерной помощи с привлечением по необходимости любых государственных ресурсов.

КОМАНДА справлялась с задачами, перед которыми отступали все остальные силовые службы. Она брала на себя то, от чего на любом официальном уровне непоколебимо открещивались ФСБ, МВД, ГРУ и полдюжины других аналогичных государственных структур. Закон законом, но есть еще справедливость, есть интересы государства, идущие порой вразрез с требованиями международной политики, с вопросами невмешательства... Правда, ее методы решения насущных для Отечества проблем зачастую переступали допустимые рамки закона, а подчас вступали в конфликт даже с некоторыми требованиями человеческой морали и этики.

Но к кому апеллировать, если само существование КОМАНДЫ не подтверждалось ни единым документом и не было зарегистрировано ни в одном, самом секретном, реестре?!

Численность КОМАНДЫ не превышала обычно дюжины бойцов. А сейчас их вообще насчитывалось всего шестеро. Зато каждый из них был абсолютно самостоятельной боевой единицей, способной не просто выполнить сверхсложное задание, но и организовать успешное тактическое решение целой проблемы. В случае необходимости бойцы КОМАНДЫ привлекали специалистов из любых силовых структур. Втемную. Так, что каждый из привлеченных, будь то сотрудник МВД, ФСБ, ГРУ или внешней разведки, был уверен, что работает на своих «смежников». Кураторство же помощника Президента позволяло быстро и без проблем решать все вопросы с техническим и документальным обеспечением.

И хотя никакой официальной иерархии в КОМАНДЕ изначально не существовало, одна должность все-таки присутствовала – руководитель КОМАНДЫ. Командир. Впрочем, как только к нему не обращались! Командир, шеф, босс, патрон, даже фельдмаршал! Герман Талеев откликался на любое. Он не был снобом и никогда не служил в армии. Зато был непоколебимо уверен, что любой его приказ будет безусловно выполнен, какие бы усилия для этого ни потребовались.

За несколько лет плодотворных контактов с предыдущим помощником Президента Алексахиным у них выработался определенный стереотип взаимоотношений, основанный на неукоснительном соблюдении принципов конспирации, строжайшей секретности и... личного обоюдного расположения, даже дружбы. Ну разве мог Алексахин позволить себе встречу с журналистом в рамках пресс-конференции?! Впрочем, он вообще избегал всякой публичности. Зато теперешний стал уже хорошо узнаваемым лицом на экранах телевизоров!

Ладно, это его личное дело. Хотя Талеев все равно не мог подавить внутреннее раздражение: артист, «медийное лицо»! Тьфу! А какой апломб, какая категоричность! В последнем деле об использовании новейшей загоризонтной радиолокационной станции на Дальнем Востоке страны в ущерб интересам государства он просто отмахнулся от резонных доводов Геры. А что в итоге?! Справились сами, без какой-либо помощи. Вот так! Хорошо хоть что на «послеоперационном» этапе Куратор проявил недюжинную прыть: «раскатал в пыль» уже обезглавленную КОМАНДОЙ организацию. Кто-то оказался в тюрьме, десятки руководителей и сотрудников профильных отделов разных министерств и ведомств лишились своих постов. Но ведь так и не признал публично изначальной талеевской правоты!

Бог с ним! Может, сделал какие-то выводы для себя. Мы в друзья не набиваемся. Но пригласить на официальную пресс-конференцию в Кремль... А ведь Гера еще на одной из их первых встреч подробно рассказал ему и о секретности, и о выработанной – и неоднократно проверенной! – конспирации: Интернет, «разовые» телефоны, пароли, конспиративные явки... Как об стену горох!

А вот возьму и не пойду! «Приглашаетесь...» Это же не «явиться»! И никакого намека на предстоящий, возможно, тайный контакт. Впрочем, журналист прекрасно понимал, что его присутствие на пресс-конференции неизбежно. Может, и злился-то именно из-за этого...

* * *

Та-а-ак... Это просто черт знает что! Талеев даже в сердцах пнул ногой упругое колесо своего джипа. Только потом он распахнул дверцу автомашины, швырнул на пассажирское сиденье тоненькую темную пластиковую папку и плюхнулся на место водителя. Жаль, что нет рядом Вадика Аракчеева! Вот он бы мгновенно дал точное и хлесткое определение тому... тому... короче, бардаку этому, кремлевскому!

Помещение, где проводилась пресс-конференция, больше напоминало кабинет, чем просторный зал. Да и то верно: что было стараться из-за полутора-двух десятков пригла-

шенных? Одна телекамера, которая практически все сорок минут «ответственного действия» была направлена исключительно на небольшой прямоугольный стол, за которым разместились помощник Президента и его секретарь. Четыре человека «обслуги», то есть охрана. Двое из них неподвижно застыли у закрытой входной двери, расставив ноги и скрестив длинные руки на своих причинных местах. Двое других курсировали по узким проходам между четырьмя рядами неудобных пластиковых стульев и боковыми стенами. Подразумевалось, что они будут замечать поднятые руки журналистов и доставлять в нужные точки переносные микрофоны.

Впрочем, без этого вполне можно было обойтись, потому что вопросов к ведущему «накопилось» всего три(!). Причем главным ограничителем законного любопытства пишущей братии выступил сам помощник. Взяв в свои ответственные руки с первой секунды бразды управления всем процессом, он ни разу не выпустил их до самого завершения «сеанса». Тема пресс-конференции была предельно четко оговорена уже в пригласительных билетах: «Официальная позиция России в отношении к проявлениям нестабильности на севере Африканского континента и в некоторых странах ближневосточного региона».

Помощник Президента четко изложил отношение Кремля к вспыхнувшим там «стихийным» выступлениям против правящих режимов. При этом на вопросы с мест он никак не реагировал, разве что пристально вглядывался в интересующегося из-под насупленных бровей и продолжал доклад. После второго или третьего такого спонтанного проявления любопытства он оторвался от лежащего на столе листа бумаги и недовольно произнес:

– После окончания нашей беседы каждому из вас на выходе будут вручены соответствующие распечатанные пресс-релизы с цифрами и датами, которые вы сможете использовать в своих публикациях. В них вы найдете ответы на ВСЕ вопросы.

После такого уверения присутствующим оставалось только заткнуться! И внимать. Хороша получилась «беседа»! А три вопроса в конце встречи относились исключительно к маршруту предстоящей вскоре поездки по стране Президента. Ответы были короткими, но при этом максимально расплывчатыми и предельно не конкретными. Браво, господин помощник!

Пока еще журналисты только рассаживались по местам, и в первые несколько минут начавшейся конференции Талеев был очень внимателен и собран. Он ждал сигнала от Куратора. Даже пытался найти скрытый для всех, но понятный им двоим смысл в словах помощника Президента. Тщетно. Лишь однажды безучастный взгляд строгого ведущего скользнул по его лицу и тут же опустился обратно к «шпаргалке». А в конце, со словами: «Благодарю всех за внимание», помощник резко поднялся и, самостоятельно отодвинув стул, быстро скрылся в боковой двери!

Журналисты молча и разочарованно потянулись к выходу. У «дверных» охранников в руках оказались небольшие папочки с вложенными туда листами бумаги. Это и были обещанные пресс-релизы, которые они с каменными лицами вручали каждому, присутствовавшему на конференции. Гера, получив свою, тут же на ходу заглянул в папку. Внутри были два форматных листа с напечатанным текстом.

«...считает военное вмешательство недопустимым в интересах сохранения целостности государственных границ...»

Талеев спрятал листок обратно. Дальше можно было не читать: уже несколько дней все более-менее крупные и влиятельные газеты добросовестно публиковали в передовицах мнения известных российских аналитиков, выраженные очень похожими словами.

Гера застегнул ремень безопасности, и тут его взгляд упал на пустое пассажирское сиденье, куда он только что бросил ненужную папку с пресс-релизом. Из-под темного полупрозрачного пластика высунулись белые полоски вложенных туда листов бумаги. Их было три! Запускающая двигатель, Талеев ухватился за них пальцами свободной руки и вытащил наружу. Между двумя плотными страницами пресс-релиза оказался еще один листок. Он был поразительно тонким, почти прозрачным. Напечатанный текст еле просматривался из-за своих малых разме-

ров и неяркости. Журналист заглушил мотор и, приоткрыв боковое окно, чтобы в салон попадало больше света, начал читать, пристально вглядываясь в нечетко пропечатанные строки.

Это, безусловно, и было задание Куратора. Некоторые слова, обороты и даже целые предложения оказались подчеркнуты или обведены тонким синим фломастером. Тут и там пестрели пометки в виде восклицательных и вопросительных знаков. Попадались слова «Важно!», «Разобраться!», «Выяснить!». Наткнувшись на первое такое категоричное распоряжение, Гера фыркнул и отвел лист в сторону. Ну прямо тебе «перст указующий и грозящий»! Ни объяснения причин, ни личного отношения. Элементарного «Здрасьте!» нет.

Талеев посмотрел на яркую зелень ухоженного газона. Успокаивает. «Что это ты, командир, развозмущался-то, а? Встал не с той ноги, или день сегодня «постный»? Какие «здрасьте»? Обычное деловое распоряжение, приказ. А тебе что, сантименты подавай, о семье-здоровье интересоваться? Так раньше...»

Стоп! Хватит! «Раньше» осталось в прошлом. Кануло в Лету вместе с самоубийцей Алексаниным. Новое руководство – новый подход. Точность, немногословность, рациональность. Это твоя работа! Работа КОМАНДЫ.

Кажется, убедил.

И все-таки хотелось объяснений. «А поговорить?!» Ну хотя бы потому, что повод для привлечения КОМАНДЫ выглядел просто смехотворным. Значит, не все сказано? Почему?

В общем, дурное расположение духа и подсознательное неприятие методов нового руководства рождало глухое возмущение и массу вопросов. «А нога с утра была правильной! И день сегодня вовсе не постный».

Хорошо, господин помощник Президента. Есть! Так точно!! Будет исполнено!!

Только уж и вы не обессудьте: выбор методов работы и способов достижения требуемых вами результатов мы оставляем за собой. И это не обсуждается! Вот так вот, вуаля! (или как-то так).

В послании Куратора речь шла тоже о журналисте (какое совпадение, а?!). Хотя и не рядовом, но на «звездный статус» явно не тянущем. К тому же это был иностранный журналист. «Может, потому и КОМАНДА?» Впрочем, и граница была относительная. Давно ли таковой стала бывшая советская Эстония? Хм... Давно. Задолго до фактического развала СССР. Можно даже сказать, что всегда была границей. Там жили другие люди, говорили на другом языке и ходили по другим, почти европейским улицам и магазинам, сидели в «их» маленьких барах и почти открыто не любили русских.

Так вот, этот журналист, Тойво Круус, сам был весь таким зарубежным, эстонским. Но с явным леворадикальным уклоном. И любил Россию! По крайней мере, вполне цивилизованно и дружелюбно к ней относился. Выступал за расширение прав русскоязычного населения, оберегал воинские святыни, критиковал эстонский МИД, полицию и даже правительство!

Ничего интересного...

Место работы – «Ээсти Пяэвалехт» – эстонская дневная газета в Таллине. Кроме того, публиковался в «Постмеэс» и «Ээсти Экспресс». Сотрудничал с журналом «Таллин», издававшимся на русском языке. Солидные издания, входящие в пятерку самых тиражируемых. Последнее время уделял повышенное внимание американскому присутствию в Эстонии. Резко критически отзывался о том, что местных миротворцев обучают американские инструкторы, которые чувствуют себя настоящими хозяевами на территории нескольких военных баз. Первым из журналистов – еще до официального заявления – сообщил читателям «Постмеэс» о предстоящем открытии представительства ЦРУ в американском посольстве в Таллине.

Это, конечно, уже кое-что, но вряд ли могло спровоцировать кардинальные ответные действия.

Большой резонанс в стране получила целая серия статей Тойво Крууса о резком увеличении потока наркотиков через Эстонию. Во всех направлениях! Ну а чем больше наркотрафик, тем больше оседает этого зелья внутри. Пожалуй, обывателя заинтересовал именно этот аспект.

Вот это уже серьезней. Здесь ребята шутить не будут. Если журналист фактически «наступил на хвост» реальным торговцам...

Опа! А это что же такое?! Ну, господин Куратор, такую информацию надо было не в конце досье прятать между строчек, а выводить в заголовок! «...штатным информатором ФСБ и других аналогичных российских силовых структур не является, но добровольно передавал некоторые важные материалы, не допущенные к публикации в Эстонии...»

Смех, да и только, господин помощник! А то вы не знаете, как такое происходит. Чтобы «добровольно передать», надо точно знать, КОМУ и КАК. А еще, ЧТО именно, ГДЕ и КОГДА! Ладно, разберемся. Наркотики ли это, националисты или американское присутствие. У нас в КОМАНДЕ есть прекрасные специалисты по каждому из этих направлений. Жаль, что самого Тойво пока невозможно расспросить: три дня назад он бесследно исчез.

Талеев быстро просмотрел несколько последних строк. Живет в Таллине, холостяк, из близких родственников только младшая сестра. Имеет любовницу, которая работает в какой-то крупной строительной фирме. А не это ли и есть «российский контакт»? В таком случае подходить к ней надо очень осторожно.

Гера поймал себя на мысли, что думает уже о «Таллинском круизе» как о чем-то вполне решенном. «А что, можно разве по-другому?» Как резонно заметил Вадик: «Искать надо именно там, где потерялось!» А границ Эстонии уважаемый Тойво Круус не пересекал. По крайней мере официально и – тьфу-тьфу-тьфу! – в целом виде.

Талеев посмотрел на часы. Он прекрасно успевал вовремя доехать до своей дачи в тридцати километрах от Москвы, где как раз сегодня, в канун уик-энда, должны были собраться его друзья. А необходимыми продуктами он затарится в гипермаркете на Кольцевой автодороге.

Гера наконец тронул машину с места. Что же такое ты сумел раскопать, друг Тойво, что так не понравилось кому-то в твоей стране? И так заинтересовало весьма влиятельные круги в России.

* * *

Снаружи талеевский коттедж ничем не отличался от дюжины других, выросших за последнее время на самом краю лесного массива, на месте небольшой деревушки, состарившейся, развалившейся и покинутой своими обитателями еще с десятков лет назад. Добротный каменный забор со стороны фасада, «представительские» железные ворота и небольшой двухэтажный домик из красного кирпича безо всяких архитектурных вывертов.

Новые «дачевладельцы» в складчину организовали подведение всех необходимых коммуникаций, расширили проселочную дорогу, ведущую к трассе, даже заасфальтировали эти полтора километра пути, и поживали, не тужа, в получасе езды от столицы.

Участок Геры был крайним в своем ряду и поэтому примыкал к лесу двумя сторонами, правой и тыльной. Не надо было тратить на лишний крепкий забор, так что несколько тропинок, ведущих чуть не от крыльца дома, быстро и беспрепятственно терялись прямо в чаще подступающего леса.

Медленно и почти беззвучно Талеев подвел свою машину вплотную к воротам и аккуратно открыл обе передние двери. Внутрь салона тут же проник сильный запах свежеежареного мяса, умопомрачительный аромат специй и характерный дымок «шашлычного» костерка. Именно это мясное лакомство Гера предпочитал остальным. Поэтому и гостей своих потчевал

не новомодным барбекю, а кусочками сочной молодой баранины на длинных шампурах, слегка примаринованных и сдобренных белым грузинским вином.

Теперь так встречали его самого. Талеев вытащил несколько пакетов из багажника и прошел в маленькую незаметную калитку слева от въездных ворот. В дальнем углу участка рос высоченный дуб. Под его развесистой кроной Гера соорудил деревянный стол на мощных тумбообразных ножках и две монументальные скамьи. Рядом был врыт в землю «стационарный» мангал. Сейчас вокруг него копошились двое мужчин.

– И это ты называешь углями?!

– А что, смотри, как жарят!

– О-о-о! Если бы тебя слышал командир! Неуч! Шашлык не жарят!!

– А что, варят?

– Его... го-то-вят! Его...

Талеев усмехнулся:

– А я слышу.

– О, вот и командир! Ты, Снайп, лучше помоги ему покупки разложить, а я тут сам поколдую.

Высокий светловолосый мужчина с готовностью поспешил навстречу журналисту.

– Не расстраивайся, Вит. Легенду о моих кулинарно-гастрономических изысках придумал сам Вадик. – Освобождаясь от пакетов, Гера махнул рукой. – Пусть хозяйничает. У него действительно вкусно получается.

Немногословный Виталий согласно кивнул.

– Что-то я автомобилей не вижу. – Талеев оглядел двор. – Значит, Галина и Серж еще не подъехали?

Машины Снайпа и Вадима стояли в гараже, потому что оба они сейчас безвылазно проживали на талеевской даче. Алексеева лишь иногда оставалась здесь ночевать: работа в Министерстве иностранных дел часто допоздна задерживала ее в Москве. Ну а капитан 1-го ранга Сергей Редин давно уже заявил, что «если бы вы, салаги, пожили с мое в отдаленных и необорудованных базах, а потом еще мотались по служебным командировкам, где и нога человека редко ступала, вам эта природа тоже стала бы в кошмарных снах сниться. И захотелось бы вкушать все плоды человеческой цивилизации в уютной московской квартире, а не кормить комаров в папоротниковых джунглях!».

Несмотря на явные оговоры в отношении удобств журналистского коттеджа и природного ландшафта, его личную позицию одобрили все. Бывший подводник занимал высокий пост в комитете по контролю за размещением, хранением и утилизацией радиоактивных отходов. И по складу своего характера и давним флотским привычкам этот самый контроль осуществлял преимущественно «вручную», не полагаясь на телефонные доклады и рукописные рапорты. Вот и посещал лично и регулярно подведомственные объекты, подавляющее большинство из которых в силу своей специфики располагались максимально далеко от нормального человеческого жилья. Поэтому предложение перебраться хоть на неделю на лоно природы отвергал категорически, ограничиваясь максимум одной ночевкой в коттедже, зато непременно «с банькой, шашлычками и... ну как же без нее-то, родимой?!».

– Гюльчатай позвонила, что немного задерживается, – ответил Виталий. – А Редин вот-вот должен появиться. Он обычно точен.

Сергея действительно подъехал уже через пятнадцать минут. К этому времени первая порция шашлыков была готова, и мужчины незамедлительно приступили к трапезе. Конечно, Вадик и тут не удержался от поучений:

– Мой уважаемый друг! – Это, разумеется, Виталию. – Сейчас же прекратите стаскивать мясо с шампура вилкой! Фу! Шашлык на блюдечке вам подадут в каком-нибудь заштат-

ном ресторане, где его готовят в электрической духовке. – При этих словах Аракчеев изобразил на лице мину крайней брезгливости. – Простите, простите, я оговорился: это и не шашлык вовсе будет, а запаренно-зажаренная плоть старого барана, облитая уксусом, чтобы хоть как-то отбить тлетворный запах приближающегося разложения. Возьмите шампур двумя руками, медленно проведите перед лицом, чтобы ваш нос уловил божественный, благородный аромат... Рано грызть! Рот должен наполниться слюной... Вы уже не можете терпеть... Не можете... Вот теперь кусай! Да не глотай ты, как болотная утка! Зубками, зубками...

Снайп спокойно продолжал утолять голод действительно великолепно приготовленным блюдом.

– Ну что, друзья? Предлагаю выпить... – Вадим поднял бокал, – за новую работу!

Заметив недоуменный взгляд Редина, Аракчеев пояснил:

– Не пугайся, мореход, всякие беты, гаммы и прочие нейтроны никуда от тебя не денутся! И кресло в шикарном кабинете с видом на Кремль тоже. Но... посмотри внимательно на нашего командира. – Широким жестом руки он указал на журналиста, который, закончив трапезу, задумчиво курил любимую тонкую черную сигару. – Он думает, что, неумело изображая всем своим видом – и лицом! – олимпийское спокойствие, может ввести в заблуждение опытного психолога-физиономиста.

Гера улыбнулся:

– А такие существуют?

Вадик гордо выпятил грудь:

– Да, перед вами – прямой наследник Чезаре Ломброзо и Зигмунда Фрейда, сподвижник Бехтерева и Юнга...

– Ну, тогда вы замечательно сохранились, аксакал!

Аракчеев рукой отмахнулся от нелепых подозрений:

– Короче, наш молчаливый патрон не далее как сегодня посетил одно весьма знаковое мероприятие... Спокойно, спокойно, не надо инсинуаций! О состоявшейся в Кремле пресс-конференции уже оповестили по радио и телевизору. А учитывая, кто ее проводил и где, нетрудно сделать некоторые выводы...

– Угомонись наконец, догадливый ты наш! – Талеев аккуратно раздавил окурочек в хрустальной пепельнице. – Вадим прав. – При этих словах командира Аракчеев обвел всех торжествующим взглядом. – Просто я решил, что сначала следует основательно подкрепиться. Да и Гюльчатай что-то задерживается. Но раз уж так повернулось... Понимаете, не так все просто и ясно с этой нашей новой работой. Очень непросто...

И журналист, не торопясь, поделился с друзьями всеми подробностями. Тоненький листок из пластиковой папки по очереди просмотрели Снайп и Сергей, но больше прислушивались к тому, о чем говорил Талеев. Вадим же долго вертел его в руках и, дождавшись, когда командир закончил говорить, возмущенно фыркнул:

– По форме – предельно невежливо! По содержанию – «Пойди туда, не знаю, куда. Сделай то, не знаю, что!»

– С каких это пор тебе перестала нравиться полная свобода действий?

– Свобода – есть осознанная необходимость, – назидательно изрек Аракчеев. – А я не вижу здесь никакой необходимости. Пропал человек. «Не бог, не царь и не герой». И для этого надо задействовать КОМАНДУ?! Кстати, из этого, – он потряс листком, – непонятно даже, должны ли мы его найти. Ну, предположим, нашли. Погладить по головке, отшлепать по попке? Да с таким подходом нам скоро поручат карманников по подворотням ловить!

– И тем не менее это... – Гера указал на бумагу в руке Вадика, – приказ Куратора.

Тот хмыкнул, но смолчал.

– Да я и сам вижу все нелепости, – негромко и миролюбиво сказал Талеев. – Наверно, за годы успел привыкнуть к... ну, прежнему режиму общения. Патриархальному, что ли.

Мы встречались с Алексахиним, вместе думали, обсуждали, вырабатывали, по крайней мере, общее направление действий. – Гера снова закурил. – А теперь, наверно, пришло другое время, иной стиль общения. Ты же не станешь отрицать, что Куратор блестяще провел операцию передачи задания.

– Ну и что? Какой от этого прок?!

– Знаете, – неожиданно вступил в беседу Виталий, и все три головы повернулись к нему, – а меня больше всего настораживает возможность контактов этого эстонского журналиста с нашим ФСБ.

– Конечно-конечно, – тут же отреагировал Вадик, – ты же у нас сам из того же инкубатора.

– Вот именно потому...

Снайп был штатным сотрудником российских органов безопасности. И не просто сотрудником, а высококлассным снайпером, ликвидатором. «Таких во всем мире не более пяти человек наберется, – с гордостью говорил о своем друге Аракчеев. – Он же с двух тысяч метров без промаха работает!» Такая уникальность и сослужила ему недобрую службу. Виталий получил приказ ликвидировать важного депутата Государственной думы, председателя одного из ее комитетов, чем-то не угодившего чекистам. И блестяще справился с заданием: с полукилометра, забравшись на самый верх опоры высоковольтной линии электропередачи, он одним выстрелом специальной пулей-снарядом из крупнокалиберной винтовки разнес всю внутренность салона бронированного «Кадиллака», в котором чиновник направлялся на службу. Однако исполнителей таких акций в живых не оставляют. Его поручили «закрыть» целой группой «чистильщиков» из шести человек сразу после выполнения задания. Но в итоге ФСБ получила полдюжины трупов своих бойцов, а ликвидатор таинственно исчез.

Вряд ли ему все же удалось бы выжить в одиночку, если бы не КОМАНДА, с которой Снайпу приходилось сталкиваться еще чуть раньше. Сам Герман Талеев был одним из его предыдущих заданий! А помешал тогда успешной реализации чекистской операции мастерский бросок кинжала Вадимом Аракчеевым, который серьезно ранил Виталия. Вот к этим врагам-соперникам и обратился преследуемый своими бывшими хозяевами снайпер. Журналист поверил ему и ни разу потом в этом не раскаялся. Ну а Вадик стал Снайпу настоящим другом. «Мы же кровью повязаны!»

– ...потому что знаю эту «кухню». Не обращайтесь внимания на слова «...штатным информатором ФСБ не является» и «добровольно». Может, первый раз действительно добровольно. Хотя и это вызывает большие сомнения. Но потом... Существует отлаженная методика негласной вербовки, и «соскочить» мало кому удавалось.

– Но тогда получается еще большая путаница, – логично отреагировал Редин. – Почему эту проблему не решает ФСБ?

– Может, не желает компрометировать себя зарубежными связями, – предположил Аракчеев, – что больше пристало Внешней разведке или ГРУ.

Виталий с сомнением покачал головой:

– Вряд ли.

А Сергей продолжил:

– Каким тогда образом сюда «подписался» Куратор?! Ведь взаимоотношения КОМАНДЫ с чекистами ему прекрасно известны.

– Да и в записке не указано точно, кому эстонский журналист передавал сведения, – задумчиво отреагировал Талеев. – У администрации Президента имеются и собственные негласные ресурсы. Тогда наш многоуважаемый Куратор может вести свою игру.

– А нас использует втемную! – заключил Вадик. – Не желаю работать с завязанными глазами!

В этот момент громкий автомобильный гудок заставил мужчин обернуться к воротам. Их створки распахнулись, и на участок въехал шикарный ярко-красный автомобиль. «Порше-911» кабриолет. Он резко затормозил у самого крыльца. Створка водительской двери поднялась вверх, и на лужайку легко выскочила Гюльчатай.

Она была одета в черный, чуть поблескивающий брючный костюм, плотно облегающий ее идеальную фигуру. Густая копна волос цвета воронова крыла была перехвачена алой лентой. Модные большие солнцезащитные очки сдвинуты высоко на лоб.

– Фью-ю-ють! У нас теперь в МИДе все так одеваются?

Девушка медленно оглядела открывшуюся панораму:

– У НАС в МИДе даже на пикник не ходят в затрапезных спортивных штанах! Тем более когда там присутствуют дамы.

Вадик сначала придирчиво осмотрел свой не первой свежести китайский «Адидас», потом буркнул:

– Живу я здесь, понятно? – И быстро нашелся: – А кто это у нас тут ДАМА?!

Не ввязываясь в пикировку, девушка наклонилась к своей машине и вытащила несколько фирменных пакетов.

– Ребята, я тут по дороге кое-что вкусненькое прикупила. Мужчины вечно забывают о десерте, хотя сами – отчаянные сластены. Помогите вытащить.

Мужчины двинулись на подмогу. Только Аракчеев не успокоился:

– Фу, «сладенькое»! Все по-настоящему «вкусненькое» уже у нас на столе!

Гюльчатай грациозной походкой приблизилась к нему, чуть склонила голову к его уху и громким шепотом, так, что услышали все, находящиеся на участке, произнесла:

– Вадик, родной, ты не переживай: я никому не расскажу, как ты уплетал пирожные на нашем министерском рауте, а потом прямо за рулем автомобиля поглощал фирменные швейцарские шоколадки, неизвестно как оказавшиеся во всех карманах твоего вечернего смокинга!

Аракчеев просто задохнулся от возмущения. Под хохот своих друзей он все же сумел выговорить:

– Так... так... эт-т-о же... ты... сама меня угощала!!!

Хохот только усилился. Первым остановился Талеев. Он похлопал по плечу обиженного товарища:

– Не обращай внимания! Все настоящие мужчины обожают шоколад. А этих смешливых, – Гера махнул рукой в сторону загибающихся Снайпа и Редина, – мы лишим Галкиного десерта. И кофе заодно!

Миролюбиво улыбнувшись, Аракчеев тоже махнул рукой, быстро чмокнул девушку в щеку, и дружной компанией все направились к столу, на котором уже живописно громоздилась вторая порция великолепных шашлыков.

Утолив очередную волну голода, друзья вернулись к обсуждению нового задания. К тому времени Алексеева тоже внимательно изучила послание Куратора. И задумчиво молчала, сидя на самом краю скамьи.

– Ну, Галчонок, – ласково приобнял ее за плечи Талеев, – мы с нетерпением ожидаем твоего суждения.

Девушка коротко вздохнула:

– Очень мало данных. – Гера согласно покивал. – Никакой конкретики. И потом... Более-менее квалифицированное мнение я, пожалуй, могу высказать лишь по одному аспекту...

Журналист поднял вверх руку, призывая разговаривавших мужчин к молчанию. Все тут же притихли и повернулись к Гюльчатай.

– Так вот, с проблемами современной Эстонии я, конечно, знакома. Но вряд ли могу быть экспертом в вопросах усиления там американского присутствия, активизации националисти-

ческой деятельности или проблем русскоязычного населения. Но одна область, упомянутая в сфере интересов исчезнувшего журналиста, мне, безусловно, знакома лучше, чем всем остальным. Наверно, поэтому я и сосредоточила на ней внимание. Понятно, что это – наркотики...

Всю свою службу в КОМАНДЕ, практически с момента ее создания, Галина Алексеева провела в бескомпромиссной борьбе с этим злом. В погоне за тайными караванами наркоторговцев она исколесила все границы бывших южных советских республик. Преодолела сотни, а наверно, даже тысячи километров непроходимых горных троп Памира и Тянь-Шаня, Эльбруса, Алтая и Гиндукуша. Во главе созданных ею летучих отрядов безжалостно громила стационарные базы, опорные и перевалочные пункты наркотрафика, ликвидировала тайные производственно-перерабатывающие фабрики, уничтожала посевы мака и конопли. Внедрившись в террористическое подполье на территории Афганистана и Турции, она получила доступ к таким сведениям, которые позволили предотвратить распространение по миру многих тонн страшного зелья.

Неугомонный Вадик искренне утверждал, что эта ненависть существует у нее на генетическом, наследственном уровне. Девушка была уроженкой тех мест. Правда, она сама не знала точно, где родилась и кто ее родители: отряд русского спецназа подобрал ее маленькой девочкой в непроходимых горах близ афганского города Герат, за многие десятки километров от всякого человеческого жилья. Она умирала от голода, жажды и страшной огнестрельной раны в боку. Потом была Москва, элитный детский дом и в качестве приемных родителей все 18 спецназовцев со своими семьями. Такая вот дочь полка! Фамилию она получила, как у командира спецназа майора Алексеева, а имя – по созвучию с единственными звуками, которые была способна тогда издавать: «Гю-иль». Так появилась Гюльчатай, Галя, Галчонок.

За годы дальнейшего обучения девушка в совершенстве освоила несколько восточных языков и множество наречий. Имея таких «специфичных» приемных родителей, она блестяще овладела несколькими системами рукопашного боя, безупречно стреляла из любых видов оружия, управлялась с десантным ножом.

Всюду на Востоке ее принимали за свою. Высокая красавица с огненными черными глазами, она выделялась природной грацией потомственной горянки. И была по-настоящему страшна в гневе! Недаром ее кодовым именем в среде восточных подпольщиков стало «Анахит» – древняя афганская богиня кровавого возмездия.

Кто же лучше этой девушки мог говорить о наркотиках?!

– ... Правда, как все вы знаете, я специализировалась исключительно на южных и юго-восточных направлениях наркотрафика. Но это вовсе не означает, что мне неизвестны другие пути! – Похоже, это было сказано специально для Аракчеева, чтобы быстрый на язык Вадик не лез со своими подковырками. Но тот, как и все, внимательно слушал Галину, стараясь не перебивать. – В интересующем нас Северо-Западном регионе картина выглядит примерно так: кокаин поступает сюда морским путем из Латинской Америки. Это грузовые и пассажирские линии через Атлантику из Эквадора и Колумбии в Санкт-Петербург. Гашиш и героин – авиапутем из Средней и Юго-Восточной Азии. Это – северный маршрут, называемый еще «шелковым»: из Афганистана через Россию, Казахстан и Прибалтику в Швецию и США...

И все-таки Вадик не мог не вставить:

– Ну и где же тут, конкретно, Эстония?

Девушка только стрельнула в его сторону глазами, чтобы Аракчеев замолчал.

–оборот наркотиков во всем мире растет, и большая часть этого прироста приходится не на упомянутую мной растительную группу, а на «синтетику»...

– Ага, знаю! Амфетамин...

– Да помолчи, – в сердцах оборвал Вадима Редин, – всезнайка ты наш!

– Вадик прав. Амфетамин еще называют «кокаин для бедных». Но, пожалуй, самая многочисленная группа известна под общим названием «фентанил» – синтетический героин. В четыре раза сильнее растительного и значительно дешевле и проще в производстве. В нее входят и самые страшные его производные: альфаметилфентанил, «белый китаец», сильнее морфина в 200 раз; триметилфентанил, или дезоморфин, на русском сленге «крокодил». Мощнее растительного героина уже в 15 раз, а морфина – в 6000 раз!

– С ума сойти!

– Могу напугать еще больше: уже созданы и более сильные – карфентанил, охмифентанил. А как апофеоз – мепередин – самый опасный, даже в минимальных концентрациях вызывающий практически мгновенную смерть. Ну, ладно, об этих последних говорить не будем: существенные трудности в производстве не позволяют – пока (!) – наладить крупный сбыт. – Алексеева перевела дух. – Так вот, это и есть «синтетика». Добавим сюда психоделический ЛСД и «танцевальный» экстази...

– Почему «танцевальный»? От него в пляс пускаются? Так это у русских и после пол-литра водки часто наблюдается!

– Да нет, потому что распространяется – и употребляется! – преимущественно на дискотеках в виде симпатичных таблеток. Ну, к этому я еще вернусь чуть позже, а сейчас, как и просил Вадик, «конкретно Эстония». Во-первых, это крупный перевалочный пункт. Через нее из России на Запад идет героин, а к нам – наркотики синтетического происхождения, чаще всего из Нидерландов. Причем оборот «синтетики» вырос в разы за последнее время. И это дает основания предполагать, что – это, во-вторых – Эстония начала сама производить эту отраву в «промышленных», так сказать, количествах.

– Вот! Это уже тебе не кое-что, а вполне конкретная наводка.

– Наверно, я охлажу твой пыл. Потому что пока не было ни одного, даже полуофициального подтверждения такому факту.

Аракчеев легкомысленно пожал плечами:

– Значит, мы это первыми сделаем. И совсем неофициально!

Дальнейшее обсуждение продолжалось, пока на улице не начало темнеть. Итог подвел Талеев:

– Итак, друзья, по-моему, возможность высказаться была у каждого. Но окончательной ясности в нашу проблему это так и не внесло. – Он предупреждающе поднял вверх ладонь. – Не внесло! Хотя определенно наметилось несколько направлений, по которым можно начинать работать. Точнее, нужно. И немедленно! Любое промедление в данной ситуации многократно усложнит поиски и позволит нашему неизвестному противнику – если таковой вообще имеется – окончательно уничтожить любые следы, ведущие к пропавшему журналисту. Я отмечу несколько таких направлений. Первое: наркотрафик, производство и распространение наркотиков. Второе: политическая деятельность Тойво Крууса. Сюда входит пророссийская направленность его репортажей, что могло вызвать сильное недовольство местных «нацболов», и критика некоторых аспектов внутренней и внешней политики страны. Здесь явно могла вмешаться эстонская служба безопасности – КаПо. Ну и, пожалуй, третье – это его контакты с определенными российскими кругами... Тогда в деле тоже оказывается, скорее всего, КаПо. И наши эти самые «определенные круги».

– Командир, а почему ты оговорился – «если таковой имеется»? У тебя есть сомнения в наличии противника?

– Ну, особых сомнений нет. Просто не следует пока окончательно сбрасывать со счетов такие... э... простые объяснения, как, например, чисто бандитское нападение, ограбление с «нехорошими» последствиями или несчастный случай, наконец...

– Женщину, – коротко дополнила Гюльчатай, а Талеев кивнул.

Снайп с сомнением покачал головой:

– Вряд ли Куратор стал бы по пустякам привлекать КОМАНДУ, а совпадений...

– Не бывает! – громогласно заключил Аракчеев.

– Дайте мне договорить! В «первичных», так сказать, объектах нашей работы тоже не наблюдается особого разнообразия. Места работы журналиста я возьму на себя. Редакции, издательства... Как-никак мой профиль. С родственниками – а это, если верить записке, только родная сестра – пусть встретится Виталий. Наконец, любовница...

При этих словах Вадим довольно заулыбался.

– ...К ней пойдет Алексеева! Не обижайся, Вадик, девушкам будет легче договориться. Особенно учитывая, что эту свою связь эстонец держал в большом секрете. Но этот контакт будет не так прост. Думаю, придется сначала походить вокруг, присмотреться. А вдруг действительно девушка – его связник? Или даже вербовщик. Вот здесь, Вадим, тебе и все карты в руки. Приглядишься. Ну и за Гюльчатой головой отвечаешь.

– Эй-эй, Гера, а я?

– А ты, Серж, останешься пока здесь и будешь нашим московским координатором. На первое время. Обещаю, что незамедлительно привлеку тебя вплотную, как только мы там определимся. Куда ж нам без флотской-то поддержки?!

На удивление Редин легко согласился. Только прибавил:

– Ты, Талеев, даже сам не представляешь, насколько сейчас прав! Ничто в Эстонии не происходит без участия военных и моряков. Уж поверь моему немалому опыту.

– Вот и чудненько, договорились. – Гера посмотрел на часы. – Давайте собираться: к полудню мы должны быть уже в Таллине.

Глава 3

Безоговорочно согласившись с мнением своего командира о том, что малейшее промедление может свести на нет все последующие усилия КОМАНДЫ, друзья начали действовать немедленно. Условившись о способах связи, они отправились в столицу Эстонии уже этим вечером. Но по разным направлениям. Гера выехал туда на ночном поезде. Аракчеев и Виталий – на внедорожнике журналиста. Алексеевой надо было уведомить свое начальство в МИДе о неожиданной поездке. Поэтому с утра она отправилась на службу, а в середине дня села в самолет Москва – Таллин.

На месте, тоже с целью максимального ускорения процесса, было решено начать работу одновременно по всем трем, обозначенным Талеевым направлениям. Поэтому сам Гера, едва ступив на сверкающий чистотой перрон железнодорожного вокзала Таллина, отправился в редакцию ежедневной газеты «Ээсти Пяэвалехт». Понятно, что российской популярностью, как известный кремлевский журналист, он здесь не пользовался. Однако среди руководства газеты нашлись люди, которые не только слышали фамилию Талеева, но даже встречались с ним в Москве, работая там в служебных командировках. Правда, сам Гера такой памятью похвастаться не мог.

Зато среди таких людей оказался заместитель шефа одного из крупных газетных отделов, в котором числился сотрудником интересующий КОМАНДУ журналист Тойво Круус. Звали его Финч. Он был грузен телом, хотя и весьма подвижен, сравнительно молод и приятен в общении. Что немаловажно, он был другом Тойво и с радостью встретил в своем кабинете московского гостя.

– А ведь нас даже представляли друг другу! Пару лет назад на вернисаже эстонской живописи в Москве. – Финч, как подавляющее большинство эстонцев такого – и более зрелого – возраста, свободно говорил по-русски. Хотя и с выраженным прибалтийским акцентом, растягивая не только гласные, но и согласные звуки.

Заметив некоторую неуверенность Талеева, он милостиво пришел на помощь гостю:

– Ну где же там было всех упомянуть! А у меня даже фотография сохранилась...

Талеев подумал, что Финч сейчас начнет рыться в многочисленных ящиках необъятного стола и станет утомлять воспоминаниями, даже крошечную толику которых Гера при всем желании никак не мог отыскать в самых заповедных уголках своей памяти. Поэтому он уже раскрыл было рот, чтобы попытаться вернуть энергичного редактора в нужное русло, но тот без посторонней помощи сам заговорил на интересующую журналиста тему:

– Наш Тойво – известный человек. В определенных кругах, разумеется. Если бы он еще не был таким... э... таким... – Финч замялся, подбирая нужное слово, – непримиримым, что ли, давно мог бы занять это место. – Редактор покрутился в высоком и широком кожаном офисном кресле. – Или даже еще повыше... Настоящий репортерский талант и потрясающий нюх!

– Я так понимаю, что не все у вас согласны с подобной оценкой его достоинств.

Финч приуныл и огорченно развел руками.

– Я ему сколько раз говорил: ну, покритиковал ты правительство, прошелся по силовикам, указал – ненавязчиво! – на проблемы русских, и отлично, смени тему! Но это не для Крууса. Он, как бойцовый пес, вцепившись, не отпустит. Раскопает такие подробности... Начнет задавать высоким лицам неприемлемые вопросы в прямом эфире. А с переносом «Бронзового солдата»?! Ну, написал серию острых статей – замечательно! Зачем самому-то в пикеты ходить с транспарантами? Зачем лезть в самое пекло?! Вот и просидел потом чуть не двое суток под арестом вместе с активистами «Ночного дозора» в помещениях морского порта. Думаете, успо-

коился? Вышел и написал еще серию статей! Правда, их уже без правки никто не взял. Там и об издательствах, и...

– Преувеличивал? Врал?

Финч закричал:

– Ну, вы же сами журналист. Прекрасно все понимаете... – Однако Гера продолжал сверлить редактора строгим настойчивым взглядом. – Ну, нет, не врал! А кричать-то об этом зачем? У вас, у русских, такого разве не бывает?

Талеев сменил гнев на милость:

– Еще как бывает! Ладно, я ведь по другому вопросу хотел с ним встретиться. Видел в Интернете записки Крууса о наркотиках. А я сам как раз готовлю материал по этой проблеме. Вот и заметил кое-какие параллели, весьма занятные. Хочу обсудить лично. Попытался по телефону с ним связаться, никто не отвечает. Ни в социальных сетях его не нашел, ни в Твиттере...

– Неуловимый Джо! Он у нас работает по свободному графику. Может иногда неделями не появляться, сбросит «на мыло» статейку, мы его и не тревожим. Вот и сейчас... постойте, дайте вспомнить... та-а-ак... Дней пять уже, как я его не видел. Прибегал такой весь взволнованный, целеустремленный. И злой! В своем столе порылся, что-то захватил, а со мной лишь парой фраз перекинулся.

– О чем?

– Да ни о чем конкретно. Сказал, что, если у него все получится, это будет «бомба» почище «Бронзового солдата». И еще: «...они у меня так просто не отделаются, за все заплатят!»

– Ничего не сказал о будущей теме? – скорее констатировал, чем спросил Талеев.

Финч опять с сожалением развел руками:

– И о том, кто такие «они», тоже можете у меня не спрашивать! Абсолютно не в курсе. Если хотите, дам его домашний адрес. Может, повезет, и застанете его дома, хотя... Он скорее сюда прибежит. Или позвонит.

– Давайте адрес. А если вдруг позвонит, пожалуйста, свяжитесь со мной. Я в «Виру» остановился, пробуду еще пару дней.

– Да-да, конечно. Надеюсь, что мы еще встретимся. Втроем.

Вот на это Гера не рассчитывал даже при самом благополучном раскладе. Надо же: в Москве озабочены исчезновением журналиста, а в его собственной стране, на его штатном месте работы ни о чем даже не подозревают. Или делают вид? «Ладно, разберемся. Сейчас надо оформить свой номер в гостинице, который забронировал по телефону еще из Москвы. Потом связаться с ребятами. А там можно и по адресу наведаться. Только осторожно!»

– ...может, вас это заинтересует.

Талеев, размышляя о своем, упустил на секунду нить беседы.

– Что заинтересует?

– Так я говорю, человек один к нему приходил. Хотя давно уже это было, в прошлом месяце. Русский. В возрасте, наверно, под шестьдесят. Настырный. Хотя нет, так не скажешь, он тихий был, незаметный. Но поскольку Тойво не было, еще дважды являлся. Ждал в холле, а потом уходил. Абсолютно ни с кем не разговаривал. Даже со мной не поделился, зачем ему Круус.

– Так, может, что-то личное, родственник какой...

– Нет-нет! У Тойво нет родни, кроме сестры. Я думаю, это был один из тех, с кем Круус познакомился на вахтах «Ночного дозора». Наверно, еще что-то в таком же ключе хотел предложить. Или рассказать об очередных гонениях на русских. Знал, что репортера это заинтересует.

– И что?

– А потом Тойво с ним встретился. Они ушли поговорить в кафе, и я мужчину больше никогда не видел. Да и Круус, сейчас припоминаю, именно с того времени почти не показывался в редакции. Стал каким-то нервным, дерганым. По телефону ничего не хотел обсуждать. Вот только на «бомбу» и намекнул.

– «Бомба», «бомба», ба-бах! Простите, это я так... Вы говорите, что свои материалы Круус на электронную почту сбрасывал? На редакционную или вам лично?

– Мне. Он не хотел, чтобы кто-нибудь еще...

– Понятно. Хотя вряд ли мне это поможет. Но если что-то придет от него...

– Я тут же свяжусь с вами! Непременно!

Талеев дружески распрощался со словоохотливым заместителем начальника отдела и покинул здание редакции.

Финч задумчиво смотрел на закрывшуюся за московским гостем дверь. Ну вот, опять у Тойво неприятности. Вчера по его душу являлся другой «ответственный человек». Финча вызвал к себе сам главный редактор, в кабинете у которого вальяжно разместился этот «представитель компетентных органов». Правда, главный представил его как чиновника городской мэрии. Да хоть дирижером симфонического оркестра представь! Сотрудников охранной полиции – КаПо – Финч научился распознавать на расстоянии, в темноте, с завязанными глазами... Может, по запаху? Впрочем, эти ребята никогда сами не стремились быть неузнанными. Скорее наоборот.

Финч удостоился двадцатисекундной аудиенции – «нет», «не был», «не видел», «не могу знать» – и еле заметного прощального кивка. Ну их всех к черту! Пусть сами разбираются. Тем более что у заместителя начальника отдела действительно не было никаких сведений о своем друге Тойво.

В отличие от своего командира, Аракчеев и Снайп первым делом устроились в таллинской гостинице. Они выбрали недорогой трехзвездочный отель «Метрополь», главным преимуществом которого было его расположение – в непосредственной близости от Старого города, в десяти минутах ходьбы от 22-этажной высотки отеля «Виру».

К сестре эстонского журналиста Виталий отправился один. Он убедил Аракчеева, что не стоит пугать женщину неожиданным визитом сразу двух джентльменов. К тому же Снайп неплохо мог изъясняться на одном из прибалтийских языков. Конечно, жаль, что не на эстонском, а на латышском. Зато можно выдать себя за коллегу из соседней дружественной Латвии. Вдобавок, в отличие от темноволосого и темноглазого приятеля, Вит был блондином с холодным взглядом поразительно светлых глаз.

На том и порешили. А Вадим обеспечит надежное внешнее прикрытие. На всякий случай...

«Внедрение» прошло исключительно успешно. Женщина не только без лишних вопросов открыла дверь и впустила незнакомого, но предельно вежливого «прибалта», так еще и оказалась в доме одна: муж был на работе, а дочь-подросток – в гимназии. Самой Хельге не повезло: три дня назад она подхватила жесточайшую простуду. То ли вирус какой, то ли включенные на полную мощность кондиционеры в офисе консалтинговой фирмы, где женщина работала менеджером по персоналу... В общем, сухой кашель рвал горло, нос покраснел, распух и безостановочно исходил соплями, а температура, особенно первые два дня, подскочила до 39 градусов.

Несмотря на теплую погоду, Хельга была замотана в пуховый платок, а на тумбочке около низкого дивана с небрежно скомканным пледом громоздилась целая батарея пузырьков, склянок и упаковок с таблетками. Женщина внимательно выслушала короткий рассказ статного

«латыша» о давнем деловом знакомстве с Тойво, когда тот по редакционным делам приезжал в Ригу, как раз в тот журнал, где работал гость.

Теперь вот Гунар – так он представился – прибыл, можно сказать, с ответным визитом. Нет-нет, он ни в коем случае не собирается никого стеснять! Да и дела свои в Таллине он уже почти закончил. Захотелось лишь повидаться с давним товарищем. Но в «Ээсти Пяэвалехт» того не видели уже несколько дней, дверь съемной квартиры не открывают, а телефон – «вне зоны обслуживания». Кошмарное невезение! Хорошо вспомнил, что Тойво дал еще один адрес – своей сестры, – уж она-то знает, где найти брата. Так что, Хельга, извините, пожалуйста, за неожиданный визит...

Женщина с трудом вытерпела даже такой короткий монолог, а сразу по его окончании уткнулась носом в огромный клетчатый платок. Потом покрасневшими глазами глянула на гостя и севшим голосом сообщила, что, к огромному своему сожалению, ничем не сможет помочь Гунару: никаких сведений о местонахождении брата у нее нет. Вообще они мало общаются, предпочитая обходиться короткими телефонными звонками по «протокольным датам». Праздники, дни рождения...

Вот разве что с неделю назад, еще до ее досадной болезни, Тойво забежал к ним на часок. Посидели втроем, выпили коньяк, принесенный братом, и... все. Да ни о чем особенно не говорили. Так, о погоде, о работе, о гимназических успехах племянницы. Хельга в душе все недоумевала: какой такой случай сподвиг брата на личный визит? И поняла это, только когда он поинтересовался здоровьем их дальних родственников, проживающих на хуторе где-то между пригородными станциями Клоога и Палдиски.

Муж и жена весьма преклонных лет категорически не признавали этих новомодных штук: компьютеров, мобильных телефонов, поэтому Хельга раз в год навещала их на мызе, а брат даже не знал точно, как туда добраться! Вот и попросил объяснить ему это подробно. Конечно, сказал, зачем: у него ожидалась скорая командировка от редакции в те места и, чтобы не связываться с гостиницами или не возвращаться на ночь глядя обратно в Таллин, собирался переночевать у стариков. Возможно, он и сейчас там. Ну а телефон по просьбе родственников, наверно, отключил.

Давайте, я вам сама адрес напишу! И еще нарисую, как добраться. Не за что! Подождите немного.

Пока женщина склонилась над листом бумаги, Снайп поднялся со стула и, не торопясь, прошелся по комнате. Абсолютно ничего примечательного. Ничего... Вот разве что...

– Простите, Хельга, я вижу, у вас отличная подборка современных компьютерных игр.

Виталий указал рукой на письменный стол около окна, на котором аккуратно разместились четыре стопки игровых дисков и сиротливо торчали несколько проводов.

– Ох, это наша головная боль! Дочку от компьютера не оттащить, готова, наверно, ночи напролет сидеть и тыкать. Что за поколение?! И одноклассники у нее такие же. Мы с мужем к аппарату почти не прикасаемся. А вот, кстати, брат Тойво – большой поклонник всякого виртуального баловства. Это ведь он ей и подарил игрушки на дисках. Даже в тот вечер, когда к нам ненадолго заглядывал, полчаса с девочкой у компьютера просидел. Шушукались, пере-сеивались...

– Знаете, Хельга, вы уж простите, но я тоже принадлежу к многочисленному братству любителей компьютерных игр. Смею вас уверить, что такие игры могут быть очень умными и познавательными. Они расширяют кругозор, тренируют память, оттачивают реакцию. Если, конечно, без излишнего фанатизма. – Снайп взглядом окинул весь стол. – А сам аппарат где? Неужели вы конфисковали, чтобы дочь не отвлекалась от гимназических занятий?!

– Ой, ну что вы! – громко воскликнула хозяйка, отрываясь от своего «художественного творчества», но тут же закашлялась и продолжила через минуту двумя тонами ниже. – Мы ведь тоже без излишнего фанатизма: пытаемся убеждать, уговариваем. А с компьютером – это такая

примечательная история! Дело в том, что вчера случилась потрясающая катастрофа – потоп! Нас затопили сверху! Просто ужас, что творилось в этой комнате, вода с потолка водопадом лилась! Как раз там, где вы сейчас стоите, вдоль окна, прямо на письменный стол. Ну и вообще везде. Я так испугалась!

– А что, никого больше дома не было?

Женщина кивнула.

– Так это в середине дня произошло, дочь учится, супруг на работе. Представляете, а если бы и меня не было, а?! Вот и проявилась реальная польза от моей болезни. Хотя и я задремала на диване, а проснулась оттого, что капли стали попадать мне прямо на лицо. Ужас! Конечно, я растерялась. Наверно, нужно было закрыть стол какой-нибудь тряпкой, а лучше полиэтиленом. Но я побежала наверх. Звоню в дверь, стучу, а там – никого! Ужас!! Из соседней квартиры бабушка выглянула и сказала, что там, куда я стучу, скорее всего, сейчас никто не живет: хозяева сдают ее на какое-то время, но уже с неделю за дверью тишина. Наверно, предыдущие жильцы съехали, а новые еще не заселились. Что делать?! Ужас!!

Хельга тубно высморкалась и сразу вернулась к повествованию:

– А я даже не знаю, куда звонить в таких случаях. То ли в обслуживающую компанию, то ли в службу спасения... В общем, вызвала все-таки спасателей. Бабушка посоветовала, а то, мол, ждать, пока слесаря сюда направят, так это еще и подо мной два этажа затопит. Зато их машина уже через пять минут подъехала! Такие замечательные ребята! Все поняли мгновенно, безо всяких проволочек вскрыли пустую квартиру и перекрыли там что-то нужное. Потом уже разобрались, что, оказывается, в районе проводились какие-то гидравлические испытания, и в систему отопления подали воду. Вот заглушку из батареи у соседей сверху и вырвало.

Женщина устало передохнула и осторожно и деликатно прокашлялась.

– А компьютер-то? – решил уточнить Виталий.

– Ой, такие замечательные ребята! Я их, понятно, кофе напоила. Вот потом один и осмотрел наш компьютер. Ужас! Он как раз оказался под струями воды. А спасатель хорошо разобрался в этой технике. Оказалось, что в системном блоке полностью залило материнскую плату и повредило... ну, этот... о! жесткий диск! – Хельга произносила специфические слова неуверенно, и Снайп понял, что, как большинство рядовых пользователей, она совершенно не разбиралась в «металле». – А парень-то и подсказал нам, что надо делать. Нужно было позвонить в сервисный центр, представить туда справку о полном выходе из строя аппарата по причине «стихийного бедствия». Тогда этот центр заберет негодный компьютер и заменит его на совершенно новый! Бесплатно!! Этот спасатель тут же и выписал нужную справку. Так он еще и сам позвонил в этот центр прямо от нас! Там, конечно, заупирались, ссылаясь на сильную загруженность, нехватку персонала и отсутствие необходимых средств доставки. Тогда этот парень взялся на своей «спасательной» машине завезти им сломавшуюся вещь! Я так ему благодарна, так благодарна. А дочка просто счастлива, говорит, знала бы, что так можно, сама залила этот старый комп!

– Наверно, долго ждать придется этого... – Виталий неопределенно указал на пустующий стол.

Хозяйка взглянула на большие кварцевые часы на стене:

– Мне только перед вашим приходом позвонили, что доставят компьютер в течение ближайшего часа! Опытный мастер и подключит его полностью. То-то дочка обрадуется, придя домой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.